

Едихан Шаймерденулы Сабит

РАБОТА

I. ВИРГ

(16.03.1966 – 12.03.1968г.)

Дипломную практику я проходил с мая по декабрь 1965 года в г. Ульяновске, где родился и вырос «вождь мирового пролетариата». Стажировка проходила на военном заводе вычислительных машин. Присмотревшись к комплексу, мы поняли, что это точная копия американской машины типа «Стретч», предназначенных для оснащения атомных подводных лодок с ракетами «Поларис». Удивляться мы не стали, потому что Советский Союз не имел ни одного серийного комплекса собственной разработки. Это произошло благодаря «мудрому» заключению марксистских теоретиков, что – «кибернетика есть лженаука, орудие буржуазии для одурачивания трудящихся».

В конце декабря я защитил диплом по теме «Резервирование магнитных накопителей в аварийных ситуациях». После положенного банкета мы поехали на военную стажировку в артиллерийский полк под Ашхабадом в Туркмении. Получив звание офицеров по военной кафедре, мы вернулись домой уже в марте 1966 г. Взяв свое распределение, я поехал в Малую станицу, где за развилкой по Кульджинскому тракту располагается Всесоюзный институт разведочной геофизики (ВИРГ, сейчас КИРГ). Так, через 16 лет я по спирали вернулся к тому месту, где началась моя учеба в школе в 1950 году. Теперь же я должен был учиться на инженера по Электронно-вычислительным машинам.

В ВИРГе уже трудились две мои однокурсницы и один инженер из дополнительного выпуска нашего факультета. Этот выпуск был организован ввиду острой потребности в инженерах по ЭВМ. Для этого была сформирована в 1964 году группа и выпущена на полгода раньше нас (в основном из геофизиков). Как оказалось, «скороспелки» не дали ни одного действующего инженера, зато все они заняли должности начальников вычислительных центров, руководителей отделов программирования, в общем, там, где нужен соответствующий диплом и умение лавировать в управленческом аппарате. У большинства из них были мощные генетические навыки управленцев.

Я пришел на вычислительный центр (ВЦ) новичком, в то время мои однокурсницы, освобожденные от военной кафедры, и «скороспелка» уже имели по три месяца практики. Начальником ВЦ был тоже бывший геофизик, и он сразу заявил мне:

– Ну всё! Ты как национальный кадр с соответствующим дипломом подсидишь меня, и мне снова придется мотаться в поле, как геологу!

– Вас же выучили на геолога! Государство потратило средства для того, чтобы Вы искали полезные ископаемые, а не сидели в тепле на ВЦ!

– А ты помотайся с моё по жаре, по пескам и солончакам, попей солёную водичку, поешь тушёнку с вермишелью в поле! Тогда я посмотрю, что ты запоёшь через пяток лет такой жизни!

Я, конечно, проникся сочувствием и пообещал, что скорее уволюсь, чем подсижу его, ведь в перспективе через пару лет в городе ЭВМ будет больше, чем специалистов. Начальник взял, конечно, моё обещание на заметку, но отстранил меня от самого комплекса, посадив меня на ремонт ячеек – элементов ЭВМ. Я погрузился в волшебный мир триггеров, мультивибраторов, инверторов, усилителей, и начальник успокоился.

Как оказалось, он невольно оказал мне добрую услугу – я очень хорошо выучил элементную базу.

Позже я понял, почему настоящие геологи так неохотно подавали ему руку и никогда не приглашали на свои вечеринки. Товарищ предал свою профессию – а значит вышел из групповой кармы, позже я узнал, что он ещё вышел и из национальной кармы, записавшись по паспорту представителем великой нации. Люди, прошедшие через пинки и плевки, но сохранившие национальное достоинство, как-то брезгливо общались с ним. Он был ростом под два метра, носатым, лысоватым, со сладким вкрадчивым голосом. Точные копии этого типа ещё дважды встречались мне в жизни в качестве моих начальников. Удивительно, но при всём искусстве выживания в любой среде, они кончили свои жизни печально и преподали мне показательный урок – что случается с «интернационалистами», предавшими свой народ.

Дальше хуже – меня, как молодого и неженатого обязали быть агитатором на выборах, шефом в школе на Малой станице, где я когда-то сам учился, а летом – сельхозработником. Согласно разнарядке горкома партии, все предприятия обязаны были выделять бригады для помощи селу. А так как на нашем предприятии все геологи уезжали на лето в поле, то в сельхозработники определяли лаборанток и меня, как ударную мужскую силу. С июня месяца я сначала пропалывал в поселке Чилик табачные поля, потом вручную ломал табачные листья и грузил их в кипах на тракторную тележку. От ядовитого табачного сока у меня началась аллергия, но я доработал до конца лета. Эта аллергия сделала доброе дело – я до сих пор не выношу табачного дыма, и позже, став лидером в своей профессии, при приёме на работу молодёжи, сразу ставил условие – курильщики бросают курить навсегда или и искать другую работу.

Так прошёл первый год моей работы. С некоторыми из молодых геологов я завязал хорошие отношения. Осенью они приехали с поля, и началась машинная обработка результатов поиска. Меня перевели во вторую смену, и тут я смог добраться до ЭВМ. Я всегда был очень усердным учеником, но тут мне пришлось стать самоучкой. Как оказалось, впоследствии это перешло и на духовный уровень – я снова повторил свой путь самоучки, но только на более высоком уровне.

Наши геологи в выезде 1966 года нашли в Центральном Казахстане богатейшее месторождение молибдена и получили за это большие премии, на которые они успешно как говорится «гудели» до Нового Года. В общем, это

были хорошие, очень весёлые и дружелюбные ребята.

Я узнал, что образ жизни геологов схож с образом жизни кочевых цыган. К весне я заметил среди них какое-то брожение и тоску. Когда я спросил у седого геолога – в чём дело? – он ответил:

– Да в поле надо! У меня от этой оседлой жизни – тоска.

И действительно, когда объявили выезд в поле, они все сияли от радости. Я помогал им грузить оборудование и, наконец, они, торжествуя, выехали на любимую работу.

В том же году произошло событие, которому я тогда не придавал особенного значения: наш «скороспелка» всё время вёл по телефону активные переговоры со своими сотоварищами и, в конечном итоге, он объявил нам, своим сослуживцам, что они создали организацию «Who is who»:

– Теперь мы берём всю вычислительную технику под свой контроль, и никакому «зверю» в нашу профессию больше не проскочить!

Я конечно заинтересовался: – Что же мне теперь ждать от этой организации?

– Как-нибудь перебежёшься в простых инженерах.

В дальнейшем эта организация узнавала через свои каналы, где создаётся вычислительный центр, и предлагала свои услуги по формированию обслуживающего персонала отраслевой автоматизированной системы управления (АСУ). Естественно, всё руководство АСУ было из числа «геофизиков», предавших свою романтическую, воспетую в песнях, профессию геологов.

Особенно меня удивило, как это, в тоталитарном государстве, неправительственная организация не подверглась репрессиям и гонениям, а наоборот, процветала и через некоторое время взяла под контроль весь Казахстан. Это был жирный, хорошо оплачиваемый кусок. Государство, ощутив, что «благодаря» роковой ошибке своих ретивых идеологов, Союз безнадежно отстал от Запада в кибернетике, решило дать большие привилегии для ликвидации этого отставания. «Хотели как лучше – а получилось как всегда!» Эти энергичные люди из организации «Who is who» отпихнули от кибернетики талантливых ребят и наплодили в руководстве подобных себе. Выжили только умелые и безропотные исполнители.

Такая же картина наблюдалась по всем отраслям науки и техники и, в конечном итоге, «энергичные люди» и привели государство к краху. С одним из основателей и идеологов этой конторы «Ху из ху» мне и пришлось начать свою трудовую деятельность.

В июне 1967-го в нашем отделе произошло собрание по поводу «Агрессии Израиля на Ближнем Востоке». Совсем недавно назначенный начальник отдела Владимир Иосифович Гольдшмидт в качестве докладчика выбрал меня, единственного представителя коренной национальности. Его выбор был понятен, потому что большая часть коллектива были представителями великой нации, а остальная часть – евреями. Русские представители были подавлены сообщениями из газет и телевидения о

страшном поражении арабской коалиции в составе Египта, Сирии, Ирака и Иордании. Эти страны тогда считались друзьями советского народа и были вооружены современным советским оружием. А евреи открыто или незаметно радовались победе Израиля. Поэтому В.И. принял решение назначить докладчиком нейтрального человека:

– Едихан! Вам поручается подготовить доклад по этой теме, и завтра мы Вас заслушаем.

Конечно, советская пропаганда в самых чёрных тонах освещала эту войну. Но я, по своим убеждениям, был всегда на стороне слабейшего. В начале конфликта я жалел маленькую страну, над которой нависла угроза уничтожения от многочисленной и прекрасно вооруженной армии коалиции.

С юных лет, начитавшись Ф.Купера, М.Рида, Л.Буссенара, я болел за находящиеся в колониальной зависимости народов Азии, Африки и обеих Америк. К моим двадцати пяти годам жизни большинство этих стран цивилизованным путём получили независимость. По спирали эволюции через двадцать четыре года в 1991 году распалась Красная Империя. Цивилизованным путём, малой кровью, получили независимость народы Восточной Европы и Средней Азии.

Готовясь к докладу, я просмотрел все газеты и в еженедельнике «За рубежом» нашёл статью из французской газеты. Там было перечислено количество видов оружия и солдат с обеих сторон. Перевес был многократный и в количестве и в качестве оружия на стороне коалиции.

Эти сведения я сообщил утром на докладе своим сослуживцам.

– Теперь давайте рассмотрим причины этого столь сокрушительного поражения. Это мотивация – одни шли грабить и убивать, а израильтяне защищали свою Родину, свои дома и свои семьи. Поэтому они бились не на жизнь, а на смерть! У нас в народе говорят: – «Пусть кинжал будет деревянным, лишь бы сердце было железным!»

Вот и получилось, что небольшая, но очень мотивированная израильская армия разгромила многочисленную, вооружённую прекрасным советским оружием, армию агрессора.

– Что ты несёшь вражина! Это евреи первыми напали на несчастных арабов!

– Тогда давайте разберёмся в свете международного права в понятии об агрессоре. Вы, наверное, не знаете, что накануне конфликта, по требованию арабской стороны, из буферной зоны, разделяющей противоборствующие стороны, были выведены войска ООН!

Для чего это было сделано? Явно не для того, чтобы арабы вручили подарки израильским женщинам, а конфеты их детям! У командования израильской армии был единственный шанс спасти нацию – это нанести удар первыми! Результат вам известен – арабская армия разгромлена, и если бы не вмешательство Советского Союза, то страны коалиции могли бы лишиться независимости из-за тупости своих диктаторов.

– Да ты был, оказывается нашим скрытым идейным врагом! Мы сообщим куда надо о твоих антисоветских взглядах!

– Я не являюсь идейным врагом! Обратите внимание на то, что во всех арабских странах у властей стоят диктаторские режимы, там запрещены коммунистические партии, и коммунистов сажают в тюрьмы и расстреливают!

А в Израиле Компартия входит в Парламент и активно участвует в общественной жизни, как и положено в демократическом государстве. Бóльшая часть израильтян живут и работают в колхозах – кибуцах, и в них построен настоящий социализм. Так кто же тогда наш враг?

Находящийся в это время в состоянии небольшого шока Владимир Иосифович понял, что я привёл очень сильный довод в свою пользу:

– Давайте поблагодарим Едихана за интересный доклад и примем резолюцию собрания в поддержку действий правительства, в результате которых была прекращена война, и на Ближнем Востоке восстановлен мир. Собрание окончено, а Вас Едихан, я попрошу остаться!

Когда все вышли, он спросил меня:

– Скажите, откуда у Вас такие подробные сведения о вооружениях?

– Это из советского еженедельника «За рубежом». Вот вырезка!

Внимательно прочитав вырезку, он облегченно вздохнул:

– Это очень хорошо, что из советской газеты! Так и запишем в протоколе собрания, что Вы просто процитировали эту статью и дали свой комментарий. Вы разрешите мне взять эту вырезку на случай разбирательств?

– Конечно возьмите! Мне она больше не нужна.

После этого собрания я снова заработал массу врагов из-за своей прямоты и нетерпимости к несправедливости. Сам заместитель директора по науке лично следил за мной, особенно когда я работал во вторую смену. Но я приобрёл хорошего друга в лице программиста Рувима Шимоновича Хайме.

Эта история стала достоянием нашего первого отдела (КГБ). Поэтому у В.И. Гольдшмидта был неприятный разговор в руководстве. Он потом, в частной беседе, попросил меня быть осторожным и избегать разговоров о политике, но поблагодарил меня за доброе отношение к народу Израиля.

Слух о том, что инженер ВЦ из Института геофизики выступил против политики КПСС на Ближнем Востоке, прошёл по всей нашей очень немногочисленной городской интеллигенции. Видимо, тогда я и привлёк к себе внимание своих будущих воспитателей, и они взяли меня под свою опеку.

Летом 1967 года я снова выехал на уборку табака в Чилик. От нашей организации были выделены ещё три лаборантки и тот самый «скороспелка» из бывших геологов. У меня снова началась аллергия на табачный сок. Бригадир перевёл меня на погрузку и разгрузку тюков с табаком и выдал мне брезентовые рукавицы, которые очень облегчили мне жизнь.

К середине июля «скороспелка» решил съездить на знаменитый «поющий бархан». От Чилика до курорта «Аяк-Калкан» было всего около 30 км. Позвали и меня, потому что наши сотрудницы настояли, чтобы с ними было хотя бы двое мужчин...

Так мы впятером, где на попутках, а где и пешком, ближе к ночи добрались до курорта, где была лодочная станция. Нужно было переправиться на другой берег реки Или, километров 12 идти вверх по берегу, и ещё час ходьбы по пескам до самого бархана.

Ночью мы отошли подальше от курорта и приступили к ужину. В это время «скороспелка» снял шляпу и провозгласил, что ему сегодня исполнилось ровно 30 лет, и мы празднуем день его рождения. Он всё прихватил с собой и начал доставать из своего объёмистого рюкзака бутылки с болгарским вином «Гамза» и кое-какую закуску...

В общем, мы уснули только под утро и не выспались как следует, поскольку именинник разбудил нас довольно рано, и мы, переправившись на другой берег, под палящим солнцем двинулись к бархану. Пришли мы к нему, когда солнце было уже в зените. Двигаясь по пескам к бархану, мы почувствовали, что попали в пекло. После вина очень хотелось пить, а вода из реки, которой мы наполнили все пустые бутылки, катастрофически быстро кончалась...

Наконец мы подошли к подножию бархана и пошли на штурм горы из песка высотой около 300 метров. На каждый шаг гора отвечала звуком, как будто играл огромный кобыз или орган. Песок под ногами раскалился так, что стала плавиться обувь из кожзаменителя, у одной из девушек лицо покрылось красными пятнами, и она начала терять сознание... Восхождение пришлось остановить. Остатки воды в последней бутылке мы отдали несчастной, а сами стали решать, что делать дальше? Вывод был один – немедленно бежать к реке, пока не началось обезвоживание, но сил идти уже не было. Мы все собрались под условную тень чахлого кустика саксаула и стали ждать смерти...

Тут у одного из нас лопнули шнурки на обуви, и горячий песок попал прямо в обувь. Девушка закричала от боли, «скороспелка» полез в рюкзак в поисках какой-нибудь верёвочки. Верёвочка нашлась, но в рюкзаке оказалась целая незамеченная бутылка «Гамзы». Она-то и спасла нас. Мы быстро разлили в кружки это горячее вино, выпили и бегом кинулись к реке...

Бросившись в реку, мы все долго пили мутную от глины, но тем не менее сладкую воду... Отдышавшись, мы решили дождаться вечера и только тогда по прохладе двинулись назад.

Нам повезло, и в кузове попутного грузовика мы доехали до посёлка Масак, а дальше на рейсовом автобусе – до Чилика и утром, в понедельник вышли на работу в поле.

К весне 1968 года я понял, что в этой организации мне как специалисту ничего не светит, да и ездить было далеко. Поэтому я стал искать работу поближе к дому, тем более что заканчивалась обязательная двухлетняя отработка по госраспределению.

Скоро я почувствовал мощь организации, созданной «скороспелкой». Везде «белые» начальники, увидев моё азиатское лицо, говорили, что мест нет, либо штат ещё не утверждён. Я понял, что мне в моей родной республике нет перспектив.

II. Космостанция (13.03.1968 – 13.10.1970 г.)

Снова пришёл на помощь, как я тогда полагал, счастливый случай. Мне позвонил товарищ по институту и спросил, не хочу ли я пойти работать на Космостанцию инженером на ЭВМ? Только работа выездная, пять дней в горах на высоте 3500 метров, два дня дома, но зарплата хорошая. Я согласился, и вскоре был приглашён на базу Космостанции для собеседования.

Меня принял начальник станции Владимир Иванович Яковлев, очень доброжелательный и культурный человек, кандидат физико-математических наук. От него я узнал, что Станция изучает частицы высокой энергии, пришедшие из космоса. Предъявив диплом, я рассказал, что работаю на ЭВМ среднего класса типа «Минск-2», имею неплохую практику в ремонте элементной базы, так как эти новейшие комплексы ещё неотработанные и постоянно «сыпятся».

Начальник сообщил, что Станция международная, там работают учёные-атомщики из Польши, Венгрии, Болгарии и Чехословакии. У них машина типа «Наири», которая работает в режиме обработки научного эксперимента. Далее он задал мне, как оказалось, очень важный вопрос: – Как вы думаете, хватит ли у Вас знаний для столь ответственной работы?

Я уже знал от товарища, что это комплекс микропрограммного управления, дающий большие возможности и удобства в диагностике и модернизации.

– Конечно, ваша ЭВМ попроще и поменьше «Минск-2», но я боюсь подвести Вас, меня, честно говоря, напрягает международный статус станции.

Начальник почему-то облегчённо вздохнул и сказал: «Вот вы-то нам и подходите! Я, конечно, навёл справки от вашего сокурсника, и мои ожидания подтвердились! Мы уже настрадались от «специалистов», которые, как говорится, «одной левой» справляются со столь сложной техникой!

Я быстро оформил увольнение и в марте 1968 года приехал на служебном автобусе на Космостанцию.

Моя ЭВМ находилась в самом большом корпусе, где был целый комплекс устройств для фиксирования космических лучей. Там вели монтаж самого мощного в мире колориметра в 36 квадратных метров. Люди были в основном молодые, одеты в штормовки, лица доброжелательные, никаких косых взглядов, а только любопытство – что за новичок?

Недружелюбно, хмуро глядя узенькими щёлочками глаз на «туземца», меня встретил начальник сектора. Позже я узнал, что он местный, окончил наш КазГУ. Я назвал его именем персонажа из романа Ильфа и Петрова – «Корейко». Позже я узнал, что он вырос на селе и давно уже убедился в «отсталости и лености» коренного населения. Поэтому считал появление «туземца» на международной станции просто ошибкой.

Он оказал мне добрую услугу. Я мобилизовался с тем, чтобы не уронить честь нации, тем более перед иностранцами.

После осмотра ЭВМ, я обнаружил, что не работает инженерная панель, без которой невозможно провести диагностику. Неисправность я нашёл быстро – были каким-то образом оборваны провода в жгуте. Починить эту неисправность можно было путём «прозвонки» проводов тестером, но я не мог дотянуться с одного разъёма на другой...

В это время приехал из Москвы штатный электронщик. Как в дальнейшем оказалось, это был ведущий специалист. Он разработал установку «Вишня», куда стекалась вся информация с приборов и датчиков станции и записывалась на магнитный носитель, далее в ЭВМ для обработки и анализа. Зашёл он и в мой небольшой зал в торце эллинга у входа. Это был взрослый человек с очень живыми, выразительными глазами. Поприветствовав меня и представившись Борисом Васильевичем, он спросил:

– Как дела? Какие есть трудности? Что с инженерной панелью? Когда я уезжал в Москву под Новый год, панель не работала. Те, кто довели машину до такого состояния, сочинили мне целую поэму о сложности вычислительной техники и трудности поиска неисправности! Я, конечно, не знаю основ ЭВМ, но мне показалось, что они разбираются в ЭВМ ещё меньше меня!

– Это были ваши московские инженеры?

– Да нет же! Мы приняли на работу местных физиков, полагая, что физик разбирается во всём, и были за это наказаны. Специалистов с дипломами по вычислительной технике и в Москве не хватает. К чему ты пришёл, и в чём трудность?

Я понял, что он уже видел моё личное дело и в курсе – кто я и что я!

– Трудность стандартная для всех электронщиков. Не хватает бесконечно удлиняющейся руки, чтобы дотянуться щупом тестера до разъёма в соседнем блоке. Где неисправность, я понял, теперь нужно найти оборванные в жгуте провода и заменить их!

– Так это не проблема! Я думал, что и ты будешь морочить мне мозги, а оказывается ты уже «определился»! Давай второй щуп и команду, куда его нужно ставить!

Он с уважением смотрел, как я читаю схему и даю ему точные команды, но ещё большим уважением и немного удивлением он проникся, когда тестер действительно показал разрывы именно в тех местах, которые я ему продиктовал по своим записям.

Он радостно потёр руки и сказал:

– Ну, я вижу, что мы не ошиблись в тебе! Начнём разделку жгута, и будем менять провода?

Мой ответ удивил его ещё больше:

– А что Б.В., мы отправляем ЭВМ в космос? Никакой разделки жгута! А то мы ещё больше порвём проводов. Тяните провод по самому короткому пути между двумя контактами!

– Но это же нарушение всех правил радиотехники!

– Здесь не радиотехника, а ЭВМ, и я знаю, как нужно вести монтаж! Делайте, как я говорю!

– Хорошо! Ты здесь хозяин, и тебе нести ответственность за последствия.

Когда мы запаяли все проводки, я включил ЭВМ – инженерная панель заработала! Тут я почувствовал какое-то движение и увидел, что много глаз наблюдают за моими действиями через прозрачную перегородку зала. Мой тонкий слух донёс до меня их одобрение. На прощание Б.В. обронил: «Ну что, думаю, мы сработаемся! Если нужно – обращайся», и пошёл дальше по своим делам.

Позже я узнал, что мой предшественник, рослый, голубоглазый и белокурый физик и его механик больше занимались тем, что водили на ВЦ симпатичных туристок, которые во множестве шли летом через Космостанцию на Иссык-Куль. Во время их игрищ провода и лопнули. Позже, я обнаружил в шкафу с документацией на ЭВМ сгоревший «Блок защиты ЭВМ от бросков напряжения». Я выставил этот блок на свой рабочий стол, и после осмотра пришёл в ужас – платы в блоке были покрыты копотью, резисторы выгорели. В общем, требовался капитальный ремонт.

Я узнал, что машина «Наири» была спроектирована инженерами армянами – репатриантами из Франции. Они привезли всю документацию и наладили в Ереване выпуск очень хорошей машины. Но блок защиты проектировали уже местные мастера. В блоке находились две платы, сложенные книжечкой, а над ним прямо по центру был проложен жгут на 56-контактный разъём. Чтобы добраться до платы, нужно было этот жгут выпаять из разъёма. «Белые люди» явно поленились сделать эту нудную работу, видимо, они побоялись перепутать проводки, что было видно по следам пайки на верхних контактах...

Меня же это не смутило. Я нарезал тонких проводков, приготовил полоски бумаги и, выпаявая проводок, я прикреплял к нему бумажку с номером контакта. В конечном итоге, я отогнул жгут, который стал торчком и был похож на дерево с листьями из номеров контактов. Я смог развернуть платы и приступил к капитальному ремонту. Вначале я перемотал трансформатор, выставил новые выпрямители напряжения, чтобы запитать платы. Дальше я решил просто заменить весь навесной монтаж с соблюдением всех номиналов, а новые транзисторы и диоды предварительно «прозванивал».

Приходилось висеть над блоком и от этой кропотливой работы у меня затекали плечи и спина. Чтобы как-то облегчить работу, я поставил доску на металлические ручки кресла, обитого синим дерматином, сел на это импровизированное сиденье, а ноги поставил на газету, положенную на сиденье кресла. Получилось намного удобнее и дела быстрее пошли на лад.

В это время на лето приехала группа студентов из Физтеха на преддипломную стажировку, и среди них был очень красивый парень. Он вошел ко мне в зал и стал знакомиться не со мной, а с ЭВМ, засыпая меня вопросами. Я ответил, что до этого я работал на большой ЭВМ, а эта машина

другой архитектуры и имеет микропрограммный принцип управления, что очень удешевляет комплекс, и что это вообще новое прогрессивное направление.

Мне поначалу нравилось такое любопытство, но дальше я заметил, что он, презрительно кривя красивый рот, стал демонстрировать свои познания в английском языке, который он, в отличие от вычислительной техники, знал куда лучше. В конце концов, я очень твёрдо попросил его не отрывать меня от дел и продолжил ремонт блока. Он, конечно, ушёл, и тут я заметил, что из-за шкафа выходит Б.В. Он просто трясся от хохота:

– Ты хоть знаешь, кого ты сейчас поставил на место? Это же сын очень большого начальника, и он может запросто прикрыть весь наш проект! Ты будь с ним в следующий раз повежливей, а то у тебя будут большие неприятности!

В дальнейшем я узнал, что «алармист» (паникёр) сообщил руководству, что работа на Космостанции поставлена под угрозу, так как на самом важном объекте ВЦ работает азиат, в компетентности которого он сомневается.

Через неделю блок был почти готов – осталась самая ответственная часть. Нужно было аккуратно запаковать в разъём 56 проводков. Глаза у меня за утреннюю пайку сильно устали и, чтобы не напортачить, я решил передохнуть, взял в спальном корпусе суконное одеяло, книжку А. Азимова «Я робот», залез на крышу сарая и стал загорать...

В это время по лестнице, ведущей из туннеля, где находился ещё один колориметр, поменьше, поднялся пожилой седой человек и подошёл ко мне. Я отметил, что он очень прилично одет, у него были модные «золотые» очки. Он приветливо спросил, кто я и что здесь делаю...

– Я работаю на ЭВМ, и сейчас в перерыве отдыхаю и загораю.

– Это хорошо! Я вижу, что Вы читаете Азимова. Ну и как Вы оцениваете его?

– Полагаю, что будущие полёты на другие планеты без роботов невозможны. Да и во вредных условиях робот незаменим!

– Желаю Вам всяческих успехов.

С этими словами человек пошёл дальше. Оказалось, что это был руководитель проекта академик Сергей Иванович Никольский.

После перерыва я пришёл на ВЦ. Оказалось, что я обладаю способностью появляться в самый нужный момент... Передо мной разворачивалась интересная сцена – у моего рабочего места стоял тот самый человек в очках. «Алармист» указывал ему на моё кресло с доской поперёк, потом – на распотрошенный блок и торчащий жгут, который выглядел как чахлое дерево с бумажными листками. В общем, он бил тревогу «Аларм!» – науке придёт конец от рук бескультурного азиата!

Увидев меня, они вышли, а я сел и допаял проводки в разъём, подключил напряжение и проверил блок... Он заработал! Автоматика надёжно отработывала и плюсовые и минусовые перепады. Я убрал кабель, лежащий поперёк зала и вставил блок в родное гнездо. В комплексе Блок также надёжно работал. Я отдал ЭВМ программисту и стал дальше изучать схемы.

Вечерело, близился конец рабочего дня, впереди ждал ужин...

В это время ко мне зашёл аспирант с испуганным лицом. Дрожащим голосом он сообщил, что начальство вызывает меня к центральному пульта, который стоял прямо напротив моего зала. Там на диванчике сидел начальник станции, с ним были «Корейко» и тот самый человек в золотых очках. Я сел напротив и «Корейко» с места пошёл в атаку:

– Ты куда девал блок защиты. Я обыскал все шкафы, даже пошёл на склад, но там его нет!

– Блок стоит там, где ему положено стоять – в ЭВМ!

– Ты что! Поставил неисправный блок в рабочую машину! Да за это тебя под суд надо отдать!

– Я дипломированный инженер по ЭВМ и знаю свою работу, а для того, чтобы проверить исправность Блока, не нужно кончать КазГУ! Это может сделать и простой монтёр.

«Корейко» пришёл в ярость:

– Да ты просто аферист! Я это заметил с первого взгляда и твоим делишкам пришёл конец! Пойдем, посмотрим, что ты там нахимичил!

С этими словами он пошёл на ВЦ, следом и я. Краешком глаза я заметил, как руководитель движением руки послал за нами Бориса Васильевича...

«Корейко» остановил работу ЭВМ, открыл заднюю дверцу и увидел Блок.

– Да ты просто подключил к вольтметру напряжение от сети! Вот ты голубчик и разоблачил себя!

Он просто сиял от счастья. Я впервые увидел улыбку на этом беспристрастном, как маска лице.

Я подал ему лежащую на столе отвёртку, и попросил добавить напряжение потенциометром. Он крутанул его вверх, и на уровне 240 вольт – блок отключил ЭВМ.

– Ну по максимуму – и дурак может сделать, а вот по минимуму – тебе не пройдёт!

Когда блок вырубил напряжение на 200 вольтах – он только охнул:

– Не может быть!

Тут я заметил, как Б.В., быстро оценив обстановку, поспешил к начальству. Никто не знал, что у меня, как у всех охотников, очень тонкий слух:

– Я докладывал уже, Сергей Иванович, что у него нормальная инженерная хватка. Это я заметил при ремонте инженерного пульта. И здесь он так же оправдал мои прогнозы – чудес не бывает. Блок работает в штатном режиме!

Сергей Иванович обратился ко мне:

– Я вижу, что Вы здесь уже освоились! Есть ли какие просьбы, и что нравится или не нравится у нас?

– Мне нравится всё – и работа, и отношение ко мне, и особенно мне нравится, что здесь много умных людей. Общаясь с ними, я как-то и сам поумнел! А ещё я понял, что советский физик должен быть очень сильным физически, чтобы грузить свинцовые плиты, таскать швеллера, сваривать,

паять, сверлить – в общем, должен быть мастером на все руки! А не нравится, что у меня нет нормального монтажного стола, где я мог бы закрепить блок и повернуть его под любым углом. Мне пришлось из кресла сделать «сedaк», и только в этом положении я смог нормально вести монтаж и пайку!

Было видно, что мой ответ устроил С.И. Никольского и он, пожелав мне дальнейших успехов, удалился. Краем глаза я заметил, как был потрясён и унижен «Корейко» – его характеристика в мой адрес оказалась просто клеветой. Я понял, что нажил себе смертельного врага, ибо люди этого типа не прощают унижений, полученных от людей «низшей расы».

Позже, ко мне подошёл аспирант В. Павлюченко и сказал:

– Мы все слышали, как ты сравнил «Корейко» с монтером и как он «облажался» перед С.И., пытаясь выставить тебя дилетантом в электронике. Но за тебя своё веское убойное слово сказал работающий блок! А у нас физиков есть железный закон – «Самый неприглядный факт бьёт наповал самую красивую теорию». Но ты будь осторожен с этим человеком – мы на себе испытали его подлость, он наушничает на всех начальству.

Но жизнь продолжала меня испытывать и, где-то через неделю, когда у меня был обеденный перерыв, прибежал аспирант и сообщил, что ЭВМ не работает.

– Как не работает – «колом» стоит или подрабатывает?

– Да нет! Честно сдохла и не зависает!

Я пошёл в эллинг и по дороге стал потирать руки.

– Чему ты радуешься, ведь машина не работает?

– Да есть возможность поработать инженером!

– Ну что ж! Успехов тебе, а то сейчас идёт ответственный эксперимент, и машинный обсчёт очень нужен!

Придя на ВЦ, я сразу набрал команду сложения и стал по шагам выполнять эту операцию. Через несколько минут я увидел на индикации, что не проходит «сдвиг» по четвёртому разряду. По схеме я нашёл блок, отвечающий за этот разряд. Я выставил триггер и стал его выпаивать. В зал заглянул аспирант:

– Ну как дела? Всё в норме?

– Да! Уже выпаиваю «дохлую» ячейку и минут через десять начну тестовую проверку!

Тонким слухом я уловил, что он повторил кому-то мои слова. Через несколько минут я заменил ячейку, вставил на место блок и запустил тест. Машина пошла! Это была первая, устранённая мной неисправность. Я оправдал свой диплом!

Когда тест прошёл, я открыл дверь, объявил: «ЭВМ в режиме. Можно работать!» В ответ раздались аплодисменты – ребята, монтировавшие колориметр, поздравляли и меня, как говорится, «с почином» ЭВМ, да и себя, за то, что в коллективе появился действующий инженер!

Позже, В. Павлюченко передал, что мои слова «есть возможность поработать инженером» произвели должное впечатление на руководство, а

когда ты за полчаса расправился с неисправностью, они облегчённо вздохнули – эксперимент будет успешно выполнен.

В дальнейшем, я сдружился с В. Павлюченко. Ему, как аспиранту, было отведено на ЭВМ всего полчаса в неделю. Я стал давать ему своё, положенное для прогонки тестов, время, но за это потребовал «плату» – он должен был рассказывать мне историю физики. От него я узнал о великих физиках – Ландау, Иоффе, П. Капице и о Фейнмане, Милликене, но особенно меня заинтересовал «эффект Паули». Этот физик славился тем, что в его присутствии отказывали все приборы и даже отключалось напряжение в сети! Я принял это за обычные профессиональные «байки», но однажды, когда после выходных я вошёл в зал, физик закричал:

- Ура! Машина заработала! Хозяин вернулся, ЭВМ перестала барахлить!

Я задумался. Тогда я верил только науке и посчитал это просто случайностью. Но когда физики при обчёте особо важных экспериментов стали приглашать меня – посидеть возле ЭВМ для подстраховки, я понял, что они не шутят, а верят в это всерьёз. Для подобных явлений у них даже есть термин – «визит эффект».

Потом на ЭВМ стал барахлить телетайп. Он служил для распечатки результатов и одновременно служил механическим «вводом – выводом» с перфоленты. Перфоленту часто заедало из-за склеек, из-за чего ввод программы длился от 10 минут до получаса. Я привык на прежней ЭВМ к фотовводу на той же перфоленте, но там, благодаря особому устройству, скорость была неизмеримо выше. Однако, стоимость этого устройства вместе с блоком управления составляла половину стоимости «Наири-2». Но пока я был озадачен тем, чтобы оживить имеющееся устройство.

Вручную покрутив ведущий вал, я понял, что проскальзывает зубчатый фрикцион из-за того, что зубчики уже изрядно поизносились и их нужно просто заменить. На прежнем месте механик очень серьёзно объяснил мне, что механика – это удел избранных и мне нечего даже и приближаться к печати и вводу.

Но здесь я был «один в поле воин», и физики, в том числе и иностранные, с надеждой смотрели на меня. Чтобы не уронить честь нации, я напрягся и придумал – нужно выпрессовать вал из подшипника, взял металлический пруток и стал нанизывать на него детали...

Так я соорудил своего рода «нить Ариадны», чтобы не перепутать детали, которые я вижу в первый раз. Всё прошло успешно, я заменил фрикцион новым из запаса и увидел, что это последний фрикцион, больше их нет.

Физики рассказали мне, что фрикциона хватает примерно на полгода. Они продолжали свою работу, а я озадачился – что мне делать через полгода. Видимо, не случайно, я увидел по телевизору передачу, как на нашем телеграфе устанавливаются новые немецкие телетайпы, которые быстро, надёжно и очень тихо работают. Мой-то гремел как пулемёт, и я вынужден был уходить из зала ЭВМ, пережидая в кресле возле центрального пульта.

Я узнал входные данные этих телетайпов, и зашел на Центральный телеграф с письмом от организации, с просьбой оказать техническую помощь

базе Физического института им. Лебедева. В то время слово «Космос» открывало любые двери, и в конце августа 1968 г. я привёз на Космостанцию немецкий телетайп и перфоленточный ввод-вывод. Вместе со мной приехал и механик. Я принял его в свой штат на полставки для обслуживания аппарата. После небольшой доработки разъёма, я запустил телетайп в тот же день, и механик произвёл окончательную регулировку. На демонстрации аппарат работал настолько тихо, что физики решили, что он не работает, но дальше, когда появилась распечатка, они пришли в восторг.

Осталось теперь подключить немецкий перфоленточный ввод-вывод. Он не был предназначен для работы с ЭВМ, пришлось сделать доработку. Для этого я взял соленоид от реле и закрепил на днище устройства, а в качестве рычажка тяги использовал вначале отрезок толстого эмалированного провода.

От ЭВМ я подал провода на реле, которое в свою очередь стало пошагово двигать подачу ленты, и включил это устройство. Аппарат заработал намного быстрее грузинского «Риони»! Причём ввод и перфорация осуществлялись разными путями. Со сбоями при вводе программы было покончено.

Во время этих испытательных работ, ко мне подошёл один из ведущих физиков Евгений Иванович Т. и стал очень грубо высмеивать мою доработку:

– Что это за убожество, что это за крепление и какой-то проводок? Ты, как та унтер-офицерская вдова, которая сама себя и высекла за оплошность! Наконец-то ты разоблачил себя как аферист! Одно дело починить кем-то спроектированный блок, другое дело – что-то сделать своими руками!

Я сдержанно ответил:

– Вы что, не видите, что это просто модель, на которой я хотел проверить – работает или нет? Вы, физик, разве не делаете моделей своих установок? Если бы Вы проявили своё служебное рвение чуть-чуть попозже, то у Вас не было бы никакого повода для демонстрации своего презрения ко мне и одновременно своей «высокой культуры» и начитанности! И, кстати, у великого русского «сатира» Салтыкова-Щедрина есть и унтер Пришибеев, и полицеймейстер Держиморда... Кто из них, уважаемый Евгений Иванович, вам ближе?

Он побагровел от ярости:

– Ишь ты, какой культурный! Выучили вас на свою голову! Я разберусь с тобой инженеришка!

– Хорошо! Вы ещё напишите на меня рапорт начальству! Думаю, что руководство оценит и вашу бдительность, и вашу «высочайшую» культуру! Он ушёл, а я вырезал из белой жести тяговый рычажок, обработал его надфилем, подогнул края и места крепления покрыл красным лаком. Получилось очень даже прилично, он стал как заводской. Я передал ЭВМ с новым вводом Александру Ивановичу Куличенко. Этот украинец относился ко мне как к родному, постоянно защищая меня от нападков «камерщиков». На их претензии: «Машина не работает, не идёт программа!» – он жёстко ответил: – «Машина работает в три смены, а у вас не работают мозги!»

Пойдите, почистите их и не позорьте звание физиков нашим союзником! Наконец-то на ЭВМ появился нормальный инженер, и вы его хотите перед выжить! Я вам такого удовольствия не доставлю!

– Вот, Александр Иванович, новый ввод. Опробуйте его, пожалуйста.

Он поставил ленту и пришёл в восторг:

– Как быстро идёт, а теперь ленту зажёвывать не будет?

– Конечно, не будет! Это же немецкий аппарат. Теперь можно не нервничать, стуча кулаком по механизму. Просто сиди и отдыхай, пока идёт ввод!

– Ну удружил, ну и большое спасибо тебе за этот подарок всем нам!

В это время пришёл начальник станции В.И. Яковлев и, как обычно, доброжелательно спросил:

– Ну как тут у вас дела? Я вижу – аппарат работает! Как Вы оцениваете его Александр Иванович?

– Да это просто чудо! Я думал, что со старым вводом у меня будет инфаркт! А теперь, благодаря Едихану, я могу, пока идёт ввод, просмотреть свои записи или просто покурить в зале. Хозяин комплекса отвадил всех курильщиков. Пожалуй, это его единственный недостаток! Я думаю, что его надо отметить за ударную работу и за то, что он сэкономил верёвку нервов для всех нас!

– Хорошо! Я согласен.

Было ясно, что Е.И.Т. пожаловался на начитанного «туземца», но нужного ему эффекта не произвёл, а я нажил себе сильного недоброжелателя.

Весть о том, что я пристроил на ЭВМ немецкий ввод, в первую очередь удивила «иностранцев»! В Венгрии, Чехословакии и Болгарии с большим уважением относятся к немецкой культуре, и технике – тоже. Все пришли посмотреть на это чудо – как «казачонок» доработал «немца». Они с удивлением рассматривали мою доработку, качали головами, и ушли, ничего не сказав.

Через некоторое время венгры привезли свою установку с тем же самым немецким телетайпом. Связь с Будапештом проводила их монтажная бригада. Мы активно общались с ними через Бенко Дьёрдя и Андраша, которые давно работали здесь и выучили русский язык. В скучной и однообразной жизни замкнутого пространства Космостанции это было хоть каким-то разнообразием. С интересом рассматривали новую установку, я обратил внимание на одну плату, в которой красные резисторы были выложены в виде национального орнамента. Когда Андраш перевёл гостям мои слова, они одобрительно зашумели, а Андраш добавил, что я являюсь здесь главным звеном – инженером на ЭВМ, и что весь эксперимент проходит обсчёт на моём компьютере. Тут они все стали по очереди пожимать мне руку. Андраш пояснил, что у них в Венгрии инженер по ЭВМ – очень уважаемая профессия, и что они горды тем, что их родственник по крови владеет этой профессией и работает на столь высокую науку.

Через некоторое время Андраш попросил пройти к их установке. Мастер пояснил мне, во время передачи у них срывает что-то, связь срывается,

могу ли я помочь, пока их начальник ушёл на обед, а то у них будут большие неприятности. Я уже сталкивался с этой проблемой и отвинтил крышку автоответчика. Там находилось что-то похожее на турбину авиационного двигателя. Я вынул эту «турбинку», принёс деревяшку, примерил на неё длину «турбинки» и стал её строгать в виде «чижика» для детской игры. Венгерский механик настороженно наблюдал. Но когда я вставил этот заострённый с обеих сторон «чижик» в немецкий механизм, он пришёл в ужас и стал что-то кричать Андрашу. Тот тоже был испуган. Но я отвёл их на свой ВЦ и показал такое же «устройство» на своём телетайпе. Они успокоились. Я попросил запустить линию связи... Аппарат заработал, из Будапешта пришло сообщение на печать, что линия в порядке. Венгр смотрел на меня как на своего спасителя, но всё-таки спросил, в чём секрет? Я ответил, что «чижилом» я отключил автоответчик, и он больше мешать не будет.

Но венгр быстро заговорил, часто прижимая руки к сердцу и глядя на меня. Андраш перевёл, что он очень благодарит меня за помощь, но шеф не потерпит, что в немецком аппарате стоит казахская деревяшка, и просит, как её можно заменить?

Я вынул деревяшку и, показав венгру на контакты автоответчика, сказал, что их нужно просто заизолировать – и всё! Никто их не заметит, а Вы скажете шефу, что во всём разобрались сами!

Он на моих глазах заизолировал контакты чёрной фирменной изоляцией, включил аппарат. Уходя, я видел, как механик, радостно улыбаясь, машет мне обеими руками. После этого случая и «иностранцы» стали относиться ко мне с подчёркнутым уважением.

Наступило лето 1969 года. Ко мне подошёл болгарин Данчо Стаменов и попросил написать ему программу расчёта ядерных взаимодействий при ударе высокозаряженной частицы в атмосферу Земли, зафиксированных подвесными сцинтилляторами болгарского производства. Я стал объяснять ему, что я электронщик, спец так сказать по «железу», а программирование я знаю только по тестовым программам...

Но он стал сетовать на своё безвыходное положение: если он не представит результаты работы в свою Академию Наук, то его ждёт увольнение, и тогда – призыв в армию на два года, и прощай наука, и хорошая работа.

Я стал доказывать, что никогда не писал программ, и почему он не обратится к своим московским коллегам физикам? Ведь они все имеют свои программы и не одну, а несколько?

– Они все отказали мне! А потом, я стану конкурентом на машинное время ЭВМ. А в науке каждый сам за себя! Так что, если ты не поможешь мне, то моей карьере физика-атомщика придёт конец! Попробуй, хотя бы во имя болгаро-советской дружбы. Я тебе представлю все формулы и расчёты, а ты переведи это на машинный язык. Я давно наблюдаю за тобой, за что бы ты ни взялся – всё доводил до конечного результата!

С тяжёлым чувством, что я не справлюсь и опозорю казахскую нацию в

глазах иностранца, я взялся за работу...

Но через несколько дней я написал уже треть программы – только формулы, дальше пошла сортировка данных. Нужно было отбросить максимальный и минимальный результат и выстроить таблицу по коэффициентам. Эти приёмы программирования мне нужно придумать самому, пришлось хорошенько напрячь мозги. В конечном итоге, основную часть программы я завершил за три недели. Но тут приехал молодой физик Тодор, и Данчо попросил написать доработку и для него, потому что Тодор является сыном очень влиятельного человека в Болгарии.

– Конечно! Мы очень любим гостей, и я буду рад помочь, чем смогу.

Как европейский человек, Данчо спросил:

– Сколько будет стоить работа?

– Нисколько! Я рад помочь болгарским братьям, тем более, мы, казахи и болгары – родственники по крови! Ведь вы произошли от тюркского племени булгар, которых привёл на берега Дуная хан Аспарух!

– Вот оно что! Ты значит ханского рода, если тебя зовут Едихан?

– Да! Бумаг, подтверждающих моё происхождение, естественно нет, но представьте, чем рисковала моя мама в войну в 1942 г., когда она, по воле моего отца, подала паспортистке бумагу с моим именем классово неприемлемым «ханским» именем, фамилией и отчеством. Её отвлекло то, что мама, прочитав подписанную метрику с печатью, заметила ошибку в отчестве и указала на неё:

– Вот здесь неправильно! Я же печатными буквами написала, чтобы не было ошибок!

– Не всё ли равно вам «зверьям», какие имена носить? Бери метрику и иди, иначе я позвоню в НКВД!

Мама, схватив документ, убежала, но в школу меня записала Эдуардом, чем спасла от многих неприятностей.

– Ну теперь я знаю, что ты действительно из царского рода! Это я вижу по твоим благородным поступкам!

Я взял алгоритм, и к вечеру последний блок программы был готов. Оператор Таня набрала программу и запустила машину. ЭВМ зависла! Я, увидев, как был растерян Данчо, твёрдым голосом сказал:

– Так! Исключаем ЭВМ, исключаем мою ошибку!

На лице Данчо появилась надежда...

– Есть только механическая ошибка при наборе команд. Дай мне распечатку программы.

Просматривая программу, я обнаружил, что был пропущен значок +, что означает циклировку.

– Вот ошибка! Добей плюстик и программа пойдёт.

Действительно, после исправления, программа пошла и выдала первый результат. Так за три недели я выучился на профессионального программиста! Данчо сравнил распечатку со своими записями и начал танцевать прямо в зале болгарский танец! Потом он сказал:

– Я был абсолютно уверен в твоих действиях, и чтобы ты поверил в это –

вот расписание машинного времени на сегодняшнюю ночь и дальше до понедельника, подписанное начальником станции! А чтобы ты дальше убедился в моей уверенности в успехе – пожалуйста, я приглашаю тебя в почётные гости в моё подzemелье – там уже накрыт праздничный стол с болгарским вином и закуской!

По просьбе Данчо я остался для подстраховки на выходные. В понедельник к обеду он закончил основную часть своих расчётов и после окончательной доводки эксперимента выехал в Москву на отчёт, а дальше в Болгарию. В Болгарии его работа получила самую высокую оценку, ему была продлена командировка ещё на три года – год в Москве в ФИАНе и два года на Космостанции для постановки эксперимента.

Так прошёл мой первый, такой напряжённый год работы. К концу лета ФИАН выделил мне путёвку в Крым в Симеиз, где была наша база отдыха. Это был обычный палаточный городок. Выделенная мне отдельная палатка с кроватью, столиком и тумбочкой, сразу привлекла внимание отдыхающих, но начальник городка объяснил, таково распоряжение руководства – «За ударную работу!» Это конечно, вызвало неподдельный интерес москвичей – членов семей сотрудников ФИАН. Здесь были и пожилые люди, и взрослые, и выпускники школ. Общаясь с ними, я пришёл в ужас – большинство из них, в том числе и выпускники школ, не знали, где находится Казахстан и его столица. Пришлось поработать лектором по географии, этнографии, истории, в том числе и по истории России... В конце сезона мы подружились, и они перестали считать меня дикарём из страны, где существует многожёнство, а люди ездят на ишаках...

По приглашению друзей – из Крыма я приехал в Москву. Шел 1969 год – Москва меня просто ошеломила количеством людей и машин. Но ещё больше меня потрясло количество театров и музеев. Всё свободное время я посещал днём музеи, а вечерами театры – Советской Армии, Немировича-Данченко, Ленком, Современник... Если билетов не было в кассе, то я брал их на руках у входа, конечно, с доплатой – но для меня искусство было дороже любых денег.

Однажды, после музея я вышел к Кремлю на Лобное место, где были казнены Стенька Разин и Пугачёв... Что-то в этом месте мне было очень знакомо, а ночью меня разбудили товарищи по комнате:

– Ты что это кричишь и бьёшься в судорогах? Может вызвать скорую помощь? Где ты был сегодня на этот раз?

– Да я был на Лобном месте! А пришёл я туда от бывших церквей, превращённых в музеи, по какому-то туннелю из красного кирпича. Я вдруг увидел, что из кирпичей, как будто сочится кровь! А на Лобном месте я почувствовал, как будто лежу на дыбе, и мне палач по очереди отрубает сначала ноги, а потом руки, а затем и голову!

– Да ты поменьше ходи по этим страшным местам, тогда и не будешь орать по ночам и будить спящих! На, выпей воды и забудь этот ужас.

Я тогда ещё не знал, что это – одно воспоминание о прошлых жизнях, и вскоре всё забыл.

Данчо в это время живший с женой в Москве, пригласил меня в гости. За столом женщина на болгарском языке благодарила за помощь мужу. Они теперь живут в хороших условиях и больше не беспокоятся за своё будущее.

В Москве проходила декада болгарского искусства, и Данчо пригласил меня на концерт. На сцене разыгрывалась народная ярмарка с пением и танцами, особенно мне понравилась «подвыпившая» бабка, исполнявшая народные песни. Что-то в её тягучем протяжном голосе и самих песнях мне показалось очень знакомым. Где-то в глубинных слоях сознания всколыхнулись смутные воспоминания...

Этой же весной 1969 г. ко мне в штат приняли одного инженера, как мне сказали – на подстраховку. Он оказался выпускником радиотехнического факультета Львовского политехнического института с «красным дипломом». Это было видно по тому, как он аккуратно переписывал техническое описание ЭВМ. На мой вопрос:

– Зачем дублировать техническое описание, которое всегда в шкафу? – он спросил: «А какой у Вас диплом?»

– Я окончил Казахский политехнический, факультет автоматики и вычислительной техники, диплом – обычный.

– Конспектируя, я систематизирую знания, чего у Вас, видимо, не хватает. И какие знания можно получить в каком-то казахском ВУЗе? Не мешайте мне заниматься своим делом!

Он демонстративно игнорировал меня. А я, разумеется, оставил его в покое, понимая, что его появление – это работа «алармиста», убедившего руководство принять на работу европейца, да ещё с «красным» дипломом отличника.

Когда через несколько месяцев, произошла остановка машины, я, предложив ему показать свой высокий класс выпускника европейского института, ушёл на обед.

Через некоторое время прибежал физик:

– Новичок усиленно листает схемы и, похоже, что он вообще случайный человек в вычислительной технике! Ты давай, ликвидируй неисправность, а то не дай Бог, мы остановим обсчёт эксперимента на пару дней.

Я, конечно, допустить этого не мог и за несколько минут устранил небольшую неисправность. После этого мой новый сотрудник сменил своё высокомерие на рабскую угодливость. Теперь он везде сопровождал меня и во всём подражал. Я решил, раз он является чьей-то креатурой, то не буду его особенно угнетать...

В это время на Космостанции случилось неординарное событие – установка зафиксировала прямо над колориметром удар частицы небывалой мощности, превышающей рекорд японской установки на много порядков! В научных кругах планеты это вызвало небывалый ажиотаж. Для того, чтобы точно обработать этот небывалый феномен, все были мобилизованы на выходные.

В обеденный перерыв я оставил напарника дежурить у машины. Где-то в середине обеда он прибежал с «новостью»: «Машина остановилась».

Просматривая принесённую тестовую распечатку, я стал записывать нечитаемые адреса в ДЗУ на салфетку, взятую со стола начальства и обнаружил, что отказала целая адресная шина. Написав на салфетке номер разъёма и номер контакта, я сказал:

– Открой заднюю дверцу стойки, найди этот контакт и потяни за проводок пинцетом, но только вбок – проводок легко отойдёт, возможно, там «сухая пайка».

Он ушёл, а следом за ним двинулся и Борис Васильевич, чтобы посмотреть – что там, на самом деле? Вернулся он через несколько минут и, подойдя к Сергею Ивановичу Никольскому, тихо сказал ему на ухо:

– Я проверил разъём и контакты. Пыль нетронута и лежит густым слоем – значит, не было никакой «подставки»!

А потом обратился ко мне по имени и отчеству, при этом непроизвольно часто помаргивая, что означало очень сильное волнение:

- Ну, Е.Ш., вы и даёте. Я в электронике много лет и слышал о таких феноменах! Теперь я своими глазами видел, как можно, находясь на расстоянии от устройства, по распечатке вычислить не только место, но и характер неисправности. Признаюсь, что Вы меня очень удивили и примите моё восхищение и уважение!

Просчёт «феномена» закончился результативно, и начальство уехало с бумагами в Москву на окончательную обработку на большой ЭВМ типа БЭСМ. На космостанции наступило затишье, и машина часто простаивала. В этот промежуток я и решил вклиниться.

Как инженер, я решил, что перфоленточный ввод-вывод является анахронизмом, нужно заменить его чем-то более современным и скоростным. Для этого я решил использовать в качестве носителя информации магнитную ленту и обычный бытовой магнитофон. Скорость прогона у него небольшая, но плотность записи в сотни раз выше. Схему я уже давно продумал и заранее написал микропрограмму. В пару дней я прошёл в ДЗУ микропрограмму, собрал электронную схему и подключился к студийному магнитофону. Потом ввёл с перфоленточного ввода программу, и вывел всё это на магнитную ленту. Запись прошла нормально и длилась вместо 15-20 минут, несколько секунд! Я прокрутил запись назад и пустил команду «ввод», а потом запустил программу – всё прошло нормально, и схема работала!

Всё снова получилось, как и в первый раз с немецким вводом-выводом.

После того, как я закончил работу, машину занял тот же Александр Иванович Куличенко (все ведущие физики были одни Ивановичи!). Он ввёл с перфоленты свою программу, я попросил его набрать команду «вывод на магнитную ленту». Он выполнив мою просьбу, с удивлением смотрел, как включился магнитофон и пошла «запись программы». Это произошло в несколько секунд, а у него была самая большая программа, которая вводилась примерно полчаса! Я отмотал ленту назад и стёр его программу. А.И. в испуге замахал на меня руками – шутка ли, полчаса ввода насмарку!

Я попросил его набрать теперь команду «ввод программы». Он выполнил

это, и ввод также занял несколько секунд.

– А теперь запускай программу!

Программа пошла! Александр Иванович просто сиял от счастья:

– Ну что! Моим и нашим мытарствам пришёл конец, и мы теперь имеем нормальный современный ввод! Ну ты и гигант! Пусть программа работает, а я пойду и сообщу руководству радостную весть.

Пришёл начальник станции Яковлев В.И. и в самых добрых словах отозвался о моей работе: «Я вижу, что не ошибся, принимая Вас на работу! Объявляю Вам в приказе благодарность!»

Пришли все физики поздравлять и благодарить меня. Я же понял и навсегда усвоил главный принцип – самую лучшую рекламу человеку обеспечивает хорошо сделанная работа! В дальнейшем, я в ответ на все косые взгляды «белых людей» отвечал хорошо сделанной работой, и тогда можно скромничать сколько угодно – но работа, которую до тебя не смог сделать никто, говорит сама за себя!

Примерно через месяц В.И. привёл ко мне в зал двух людей. Оказалось, что в Московском Институте радиоэлектроники (ИРЭН) узнали о моём магнитном «вводе-выводе» и прислали гонцов, с целью разузнать, что и как, и получить соответствующую документацию. Фамилия одного была Разумный, а того, что помоложе – Выскребцов. Они просили меня, ознакомить с работой устройства и со схемами, так сказать в помощь институту.

Я с удовольствием показал гостям преимущества моей разработки перед механическим аппаратом. Особенно их удивила простота и дешевизна схемы – нужно в прошивку ДЗУ несколько метров эмалированного провода, логическую сборку и два усилителя – один на «пуск-остановку» магнитофона и другой на звукозаписывающую головку. Скопировав схему и микропрограмму, они, стесняясь, хотели вручить мне конверт с деньгами, но я решительно отказался. Они отвели меня в сторону и показали гарантийное письмо от руководства ИРЭН с приглашением на переезд во Фрязино, под Москву. Мне назначалась зарплата научного сотрудника, комната в аспирантском общежитии на испытательный срок, а далее и отдельная квартира в научном городке...

Я твёрдо отказался от такого предложения:

– Передайте руководству моё глубочайшее уважение и благодарность. Я буду очень рад, если моя разработка поможет ИРЭН в научном поиске. Но я не смогу больше полугода прожить без своей Родины и своего народа.

На следующий день гости уехали, и больше никаких вестей от них не было. Значит, всё прошло нормально, и автор разработки просто не нужен!

Позже Борис Васильевич попросил разрешения скопировать схему для нужд ФИАНа, и больше ко мне никто не обращался – значит разработка пошла по Союзу! Никаких документов, подтверждающих моё авторство, я не получил, да и не знал, что это нужно делать. Просто я полагал, что хорошо сделал свою работу, хотя позже физики мне сказали, что я мог бы потребовать неплохие деньги за свой труд, но теперь уже поздно, схема

пошла гулять по стране. Я ответил, что для меня большая честь, что моя разработка применяется в столь уважаемых учреждениях, и что удача не отворачивается от тех, кто бескорыстно помогает обществу...

– Ну вот, ещё один идеалист! Но идеей сыт не будешь, а потом – пожалеешь о своих благородных поступках. И помни, что Москва ничего даром не даёт!

Летом 1970 года я стал замечать, что попал в какое-то странное положение – вчерашние друзья и товарищи стали как-то очень равнодушны ко мне, а «Корейко» стал придираться ко мне по всяким пустякам. Под особенный прессинг меня взяла сотрудница из группы «Камера Вильсона». У меня с первых дней не заладились отношения с этой группой. Их зал был роскошен в сравнении с остальными лабораториями – телевизор, диван, журнальные столики... Когда я зашёл к ним, элегантно одетый человек спросил меня:

– А разве вы не видели на двери надпись – «Посторонним вход воспрещен!» Ну-ка, покиньте помещение и никогда больше сюда не входите! Ясно же русским языком написано для таких непрошенных гостей, как вы!

Я ответил, что вообще-то я не посторонний, как работник ФИАНа зашёл познакомиться с теми, с кем мне предстоит работать. Я являюсь для вас Гостем, и на меня распространяются обычаи нашей земли, на которой стоит Космостанция, и ваша лаборатория. Раз вы считаете меня посторонним, тогда и вы не заходите в мои владения!

Тут они очень развеселились и стали звать из соседних комнат сотрудников и сотрудниц – посмотреть на дикаря, который что-то болбочет на плохом русском о своих диких законах! Позже, заявившись ко мне на ВЦ для отладки своей программы, они сделали вид, будто ничего не было!

Наш «алармист» был из этой же «камерной» группы. Их программистка этой группы стала каждый день брать время, якобы на отладку программы. Она потребовала, чтобы я стоял рядом у пульта. При любой остановке программы она обвиняла меня, что я что-то подкручиваю в ЭВМ, и кричала: «Почему у всех, даже у иностранцев, машина работает, а у нас нет!» Мой напарник тоже стоял рядом, но на него она не обращала никакого внимания!

Возник конфликт, и «Корейко» предложил мне написать заявление об уходе. В гневе бросив заявление на стол, я пошёл подписывать обходной лист. Я уходил без особого сожаления, так как в последнее время стал задыхаться по ночам, а по утрам вставал с отёками на лице. На профосмотре врач объяснил мне, что высокогорье не всем подходит, особенно степнякам, а вот для киргизов, живущих рядом, такой проблемы нет. Я понял, почему во время медицинского обследования от меня потребовали представить кардиограмму. Возможно, тогда она их устроила, но теперь они не хотели иметь неприятностей, если, что со мной случится.

И кроме того, я понимал – нужна смена обстановки и устаревающего вычислительного комплекса.

Так, в октябре 1970 года, проработав там два с половиной года, я покинул Космостанцию. Никакого гнева у меня не было, хорошо выполняя свои

трудовые обязанности, я ничем не уронил честь нации. Позже, я узнал, что моего напарника с позором изгнали, он был хорошим радиоинженером, но радиотехника входит в вычислительную технику как элемент. Также мне передали, что вернувшись из отпуска, С.И. Никольский устроил разнос руководству за моё увольнение без его ведома, и принял соответствующие кадровые решения. Он так и сказал:

– У меня претендентов из Физтеха, МГУ и Инженерно-физического целая толпа стоит за воротами, а Едихан работник штучной выделки, самородок, и я хотел его в ближайшее время перевести в Москву в наш вычислительный центр, тем более на него уже нацелился ИРЭН. А там явно сидят люди поумнее вас!

По спирали эволюции я снова вернулся на Космостанцию в 1984 году в должности начальника группы наладчиков «Электронмаша». Я принял на обслуживание два комплекса ЭВМ, аналогов машин четвёртого поколения американской фирмы «ДЭС». Космостанция принадлежала к Академии Наук – это отдельное государство в государстве со своими службами. Эти комплексы были установлены в 1980 году силами АН, и по уставу нашей организации они не подлежали заводскому сервисному обслуживанию. Но я очень хорошо помнил, что именно на Космостанции, в прекрасном ментальном поле физиков-атомщиков, я и стал инженером, и теперь я должен вернуть долг организации. Поэтому я взял обе их машины на сервисное обслуживание. На Космостанции мои работники увидели мой портрет, и узнали, что он с 1970 года висит на Доске почёта по распоряжению С.И. Никольского – в назидание другим инженерам, специалистам в вычислительной технике. Мой магнитный ввод проработал до 1980 года, и назывался «Ввод Едихана».

III. ЦСУ-ЦИНАО

(с 04.11.1970 по 14.10.1980 г.).

После увольнения, я с 13 октября по 4 ноября искал работу. Везде получал отказ – это работала группа «Ху из ху». Руководители, увидев мою трудовую книжку, давали мне листок учёта кадров для приёма на работу, но когда я приходил с заполненным листком с фотографией, они, делая скучное лицо, говорили, что возникли трудности в штатном расписании, просили прийти через пару недель, твёрдо зная по записям из трудовой книжки, что за это время прервётся мой трудовой стаж, я сюда больше не вернусь...

В конечном итоге, мне нашлась незначительная должность начальника смены в Центральном статистическом управлении. Там в ВЦ стояла очень хорошо знакомая мне ЭВМ типа «Минск-2», и я без всякой подготовки приступил к своим обязанностям.

Не обошлось и без подлости. Где-то через пару месяцев ко мне в кабинет вбежал мой дежурный инженер: «Не работает фотоввод. Машина стоит!» Пройдя в зал, я стал прогонять фотоввод и, убедившись, что он действительно не работает, сделал замечание инженеру:

– Вообще-то, со столь простой неисправностью, Владимир Петрович, Вы должны были справиться сами и не дёргать меня по пустякам!

– А Вы докажите, что это пустяк! Вот тогда мы и посмотрим – чего Вы стоите, как начальник смены!

– Хорошо! Тогда подвезите мне осциллограф, включите его и настройте на нужную частоту. Придётся мне исполнять Ваши обязанности!

Я включил перфоратор, прогнал ленту со сплошными дырочками, склеил в кольцо, вставил в фотоввод и запустил в автономном режиме. Затем стал по схеме смотреть сигналы с усилителей фотовводов. Когда я подошёл к 5-ой дорожке, инженер сказал:

– Ну, всё ясно! Теперь и мы сможем дальше продолжить поиск.

Но я остановил его:

– А ну, стоять! Кто здесь начальник смены? Сразу видно, что Вы ещё зелёный инженеришка без году неделя! Вы что, не знаете незыблемого закона любой техники? Он гласит, начавший ремонт, сам должен его и закончить – иначе будет полный бардак!

Сигнала с 5-ой дорожки нет, не работает соответствующий усилитель. Я вынул ячейку из разъёма. И тут он себя выдал! Со словами: «Дайте и мне поработать! Сейчас я на стенде определяю, в чём неисправность» – протянул трясущиеся руки к ячейке...

Стенд и ЗИП стояли в комнате инженеров. Скоро он вернулся с новой ячейкой. Я вставил её в разъём и запустил тест. Машина заработала! Я распорядился, чтобы неисправность записали в журнале и пошёл в свою комнату. По дороге я уловил благодарный взгляд программиста. Было видно, что он горд за соотечественника, подтвердившего свой класс и поставившего на место «белого человека»!

Я столь подробно описываю малоинтересные простому читателю события, потому что через 10 лет в 1981 году нечто подобное произошло со мной, когда я находился в Киеве на курсах повышения квалификации. На практических занятиях по внешним устройствам нужно было определить неисправность в фотовводе и устранить её. Из примерно тридцати курсантов преподаватель выбрал меня и отправил за дверь класса, чтобы я не увидел внесённую неисправность. Затем он, пригласив меня в класс, велел найти и устранить проблему...

Я запустил перфоратор, выдал сплошную пробивку, склеил ленту в кольцо, вставил в ввод и запустил его. Потом ловушкой-индикатором определил, что нет сигнала именно с пятой дорожки. Я вынул ячейку и обратил внимание, что этот контакт заклеен скотчем, отодрал его и подал преподавателю плату:

– Неисправность найдена и устранена! Жду Ваших дальнейших распоряжений. Преподаватель поставил мне отличную оценку и продолжил занятия...

Только тогда, по аналогии, я понял, что за пакость приготовил мне мой подчинённый в 1971 году. Он проверял мою квалификацию! А руководство приготовило мне более серьёзную пакость: «...в связи с изменением

структуры штатов переведён на должность старшего инженера по радиоэлектронике группы технического обслуживания ЭВМ. Пр. № 166 от 10.03.1971г.». Это означало понижение меня в должности и переквалификацию в радиоинженера. Я понял, что «Ху из ху» не дремлет, и моя должность понадобилась кому-то из их людей, а вероятно, их стал раздражать «зверь» даже на этой должности.

Поняв, что здесь мне перспектив не видать, я начал снова искать работу. Снова везде невидимые барьеры. Узнав о моих проблемах, отец предложил мне перейти в их отраслевой вычислительный центр Автотранса. Его хороший знакомый – директор этого ВЦ берёт меня начальником ЭВМ с очень большой зарплатой и прогрессивкой в 40 процентов. Я в назначенный день явился в просто грандиозное по тем временам здание на проспекте Абая – угол Космонавтов, напротив Центрального стадиона. Там меня встретил курчаво-лысоватый человек, очень похожий даже и по фамилии на моего первого начальника и начал с того же:

– Ну всё понятно! Нам внедряют национального кадра, и через некоторое время весь ВЦ будет узкоглазым, и тогда конец Автоматизированной Системе Управления!

Я начал возражать, но тут ко мне подошёл примелькавшийся на Космостанции Людвиг А. Там он был на сборке в цехе электромонтажа, а здесь он стал каким-то начальником в группе подготовки данных. И это ничтожество по нашему цеху стал меня поучать, что нужно соответствовать своей должности:

– Ты ставленник своего влиятельного отца! Но мы тебе не дадим здесь ходу! Это – работа для «белых» людей!

Я начал возражать ему, даже хотел «возразить» и физически, но тут ко мне подошла моя бывшая однокурсница Галия Х. Она на третьем курсе ушла в декрет, и как оказалось я претендую на её должность. Узнав это, я взорвался и хлопнул дверью со словами: «Я отказываюсь от этой синекуры и пойду туда, где я смогу предьявить свои знания, а не авторитет своего отца». В ВЦ министерства автотранспорта собиралась креатура ответственных работников, и я правильно поступил, уйдя из этого «гадючника».

Наконец-то мне пришла в голову «гениальная» идея – нужно искать непрестижное место с небольшой зарплатой. Судьба снова улыбнулась мне, во время поисков такой работы мне на улице встретилась Фая Г. и, услышав о моих проблемах, предложила позвонить в Московский филиал института агрохимического обслуживания, но добавила, что зарплата небольшая, и ЭВМ находится в заводском корпусе, где-то в Тастаке. Её эти условия не устроили.

– А меня эти условия очень устраивают, я ведь живу именно в Тастаке. Давай телефон!

Заранее созвонившись, я встретился с руководителем организации. Это был Иван Константинович Рябченко, очень представительный человек с седой головой и синими глазами. Он попросил у меня номер телефона Космостанции и при мне позвонил туда – ему ответил замначальника

станции Клименко Емельян Васильевич:

– Здесь у меня лежит учётный листок Сабит Едихана. Что Вы можете сказать о нём?

– Хороший инженер! Если он ищет работу, то передайте ему – пусть возвращается назад. Это просьба Сергея Ивановича Никольского, он начинает очень важный проект, и ему нужна стабильная работа ЭВМ!

Я своим тонким слухом всё услышал, а И.К. спросил:

– А как у Вас со здоровьем?

– А откуда Вы знаете, что у меня на высокогорье были проблемы с сердцем? При мне один здоровый парень, приехавший на работу на Космостанцию, потерял сознание от кислородного голодания!

– После разговора с Вами по телефону, я позвонил в одну организацию, с которой у меня установилась связь сразу же после получения ЭВМ! Они дали мне характеристику на Вас!

– Ну и какова же она?

– Они сказали, что Вы очень неплохо «натаскались» на Космостанции, но у Вас прямой и скверный характер.

– Каково же Ваше решение? Учтите, у них огромные связи.

– Я получил хорошую характеристику на Вас от руководства Космостанции, а это для меня решающий фактор. С дельцами из «Ху из ху» я немного пообщался и из своего немалого опыта сразу понял, что они ищут только своей выгоды. А у меня свой интерес, и они мне не указ! Я подчиняюсь прямо Москве и беру Вас на работу. Пойдёмте – я покажу Вам, где находится ЭВМ. Там осмотритесь и решите – подходит это Вам или нет, потому что двое, рекомендованных до Вас, наотрез отказались от этих условий!

На директорском «газике» мы доехали до Руднева и Ташкентской и прошли в заводской блок. В одном из помещений с очень высоким потолком и большими окнами находился комплекс «Минск-22М».

– А где комнаты инженеров и подготовки данных?

– Вот здесь всё и находится. Мне и это помещение с трудом удалось добыть. Решайте – подходит или нет.

– Подходит, я живу отсюда вверх по Руднева в десяти минутах ходьбы отсюда. Мне на руку независимость от общественного транспорта, да и для здоровья полезней ходить на работу пешком. Надо запустить комплекс и ввести его в рабочий режим, придется работать в две смены.

Так я пришёл в этот цех, где я проработал 9 лет и 3 месяца со второго июля 1971 г. до октября 1980 года. Всё лето я вёл отладку комплекса, пришлось повозиться с широкой печатью АЦПУ. В конечном итоге я нашёл наводку в кабеле, соединяющем механизм с блоками управления. Здесь мне очень пригодился опыт работы на Космостанции с Борисом Васильевичем – главным спецом по устранению наводок в кабелях связи, а их там было сотни метров... Я собрал и подпаял фильтр, и работа пошла!

В один из ноябрьских дней, около 9 часов вечера в зал вошёл директор вместе с богато одетым осанистым человеком. На нём было хорошего сукна

пальто с каракулевым воротником, папаха пирожком из того же каракуля – так одевались члены правительства. Директор представил меня. После небольшого разговора я ввёл музыкальную программу, машина заиграла Полонез Огинского, потом народную песню «Что ты жадно глядишь на дорогу», а на сладкое включил программу печати – она выдала портрет «вождя мирового пролетариата», который я и вручил высокому начальству. Пожелав мне дальнейших успехов, они удалились.

Позже, на новогоднем вечере, директор сказал мне:

– Благодаря Вашей самоотверженной работе я выиграл важное пари у члена правительства! Когда он узнал, что вычислительным центром руководит казах, то сильно удивился – неужели справляется? Я ответил, что Вы работали на Космостанции, и Вас приглашают назад, а Вы в две смены пашете, чтобы запустить ЭВМ в рабочий режим. Он не поверил, и я на спор привёз его на ВЦ! И результат – он был так удивлён, что выделил нам несколько комнат в одном научно-исследовательском институте. Завтра мы все переезжаем туда, запишите адрес и телефоны.

Дальше пошли чудеса. Так «хорошо» и «сердечно» встретивший меня работник ВЦ Минтранса вдруг стал по вечерам названивать мне и просить прощения за то, что так грубо обошёлся со мной, затем спросил:

– Вы не могли бы вернуться назад на наш ВЦ?

– Нет! Я иду только в открытые двери, и возвращаться назад – это очень плохой путь. Я верю в судьбу, а она умного человека ведёт за руку, а дурака тащит за ноги, да ещё и мордой по земле!

– Вот и меня так теперь тащит судьба! Говорили мне умные люди, не слушайся лукавых советчиков! Я набрал людей по просьбам нужных людей, но они, оказалось, не соответствуют требованиям этой профессии!

– Ну ты сам знаешь, что от «нужников» бывает только плохой запах!

– А я только слышу: «Ты их набрал, ты и отвечай! А орлы «хуизхуисты», теперь ни при чём, с них нет никакого спроса! У них нет ни офиса, ни адреса, а есть только телефон! Меня увольняют с «волчьим билетом», теперь в городе на работу не устроишься! Приходится уезжать из Алматы. Лучше бы я сидел в своей шарашке и не высывался бы! Ну ладно, прощайте, и если сможете, простите меня!

На этом чудеса не закончились – в конце декабря к нам с официальным письмом обратилось новое руководство этого же ВЦ с просьбой предоставить машинное время для обчёта годовых результатов. Я понял, что информация о том, что на окраине города, в Тастаке, в заводском цехе стоит машина, которая очень точно и устойчиво работает, просочилась от наших заказчиков.

Наши пока ещё осваивали программы по созданию «Банка данных на все поля Казахстана» - какие культуры произрастали, сколько приходилось на каждое поле удобрений, гербицидов и т.д. В результате, каждое поле имело свой паспорт, который помогал Агрохиму на основе необходимой информации вносить соответствующие коррективы.

После обеда ЭВМ простаивала, но я знал, что лучше всего – машину не

выключать! Тогда она входит в рабочий режим, и чтобы его поддержать, я стал сдавать машинное время в аренду другим организациям. После пробного обсчёта мой портфель заказов был полон. Пользователи уходили из очень престижных ВЦ в мой цех.

Директор спросил меня – есть ли свободное время для Автотранса, у них под угрозой срыва годовой отчёт, если что, то полетят головы не только на ВЦ. Я ответил, что есть, но только в ночную смену, так как я не имею морального права сдвигать наших уважаемых пользователей, которые уже заранее составили график работы до конца месяца.

Удивительно, но руководство Автотранса пошло на эти условия, не очень-то почётные для столь важной организации. Через несколько дней они прислали письмо с просьбой включить нашу ЭВМ в «горячий резерв» Минавтотранса! (Эти документы можно найти в архиве ВЦ Минавтотранса от декабря 1971 года, но можно найти в Банке их оплату за аренду ЭВМ). Новый руководитель ВЦ Минавтотранса оказался очень грамотным специалистом, и проведя решительную чистку «нужников», наладил работу.

Спираль моей групповой кармы свернулась до полугода – в июне месяце они дали мне отказ, а в декабре пришли ко мне с просьбой спасти их от провала! Я мог бы и поиздеваться над ними, но они были из ведомства, где работал мой отец, и я решил поддержать автомобилистов.

Весной 1972 года у устройства широкой печати полетело зубчатое колесо по вине механика, не закрепившего стопорный винт, и я пошёл с колесом в цех. Начальник цеха подвёл меня к мастеру. Он оказался немцем и очень быстро и качественно сделал новое колесо. Походив по цехам, я убедился, что большинство уникальных мастеров оказались немцами, эвакуированными из Поволжья. Собрал их директор завода Эрих Ионатанович Бон. Его мастера делали уникальные вещи, особенно меня удивил мастер, делавший художественную гравировку на ружьях. Я конечно принёс и свой «Зауэр – 4 кольца» и попросил его изобразить что-нибудь из сцен охоты. Взяв оружие, он сначала осмотрел клеймо, потом поскрёб металл шабером, поцокал языком и сказал:

– О! Это очень хороший металл, я давно такого не видел. Я вижу по оружию, что оно постоянно в действии, тогда зачем Вам портить очень хорошее немецкое оружие? Поначалу я подумал, что это 16 калибр, но немецкий мастер, немецким инструментом выбрал со стволов лишний металл, поэтому ружьё очень лёгкое и короче советского примерно на 50 мм. Я навожу рисунок путём травления в электролитической ванне и могу нарушить целостность ствола, а это может привести к разрыву ружья! Я не буду брать на себя ответственность за Вашу жизнь!

– Хорошо, мастер, я с уважением отношусь к Вашему мнению и простите, что я отнял у Вас время.

– Ничего! Я давно слышал об этом оружии и, наконец, вижу, что это не выдумки. А как оно Вам досталось?

– Я свою курковую «Тулку» отдал дяде и на своё двадцатилетие попросил отца купить мне мотороллер, отдав ему свои деньги, заработанные

на целине. Утром, в день рождения, я увидел у своего изголовья это оружие! Отец сказал мне:

– Вот тебе подарок и больше никогда не проси меня ни о мотороллере и, упаси боже, мотоцикле, потому что они на дорогах гибнут десятками! А где и как он достал ружьё, он мне не сказал.

Началось лето, и я заметил, что за заводским парком ухаживает немецкая семья с детьми – высаживают цветы, поливают деревья, и у них царит полный порядок, ни окурков, ни мусора. Просто настоящая «немецкая слобода»!

Первую зиму я провёл в зале, на цементном полу, но выручила заводская библиотека, где я сидел в читальном зале. Когда ко мне на ЭВМ в первый раз приезжали программисты, привыкшие к «культурным» ВЦ с комнатами отдыха, расположенными в центре города, то они приходили в ужас оттого, что из всех благ цивилизации у меня в торце зала был только рукомойник, а остальное было в административном корпусе завода.

Особо «культурные» так и говорили: – Каков начальник, таков и вычислительный центр! Но, поработав на ЭВМ, они меняли своё мнение: – Зато программа идёт устойчиво, лента не сбивается, и можно уверенно ждать результата без нервотрепки и валидола!

В самом начале лета 1971 г., в зал вошёл заводской сварщик Сергей Иванович Н. и спросил: – Нужна ли здесь перфораторщица, а то моя жена на двух автобусах ездит в ВИРГ?

– Конечно нужна! Пусть увольняется и переходит сюда.

Оказалось, что она живёт на квартал ниже завода, и это её очень устраивало, а потом я разрешил ей уходить домой, как только она сделает всю работу, а если вдруг понадобится, за ней сходят на дом. Я пошёл на это из-за того, что не мог пока обеспечить нормальные условия труда. Поэтому, когда я решил построить в зале антресоли, и разработал простой проект из трёх мостов с перекрытиями, то за реализацию взялся Сергей Иванович. Мастером он был высшего класса и сварил ещё и лестницу, и систему отопления от батарей в зале. В общем, получилось очень уютно, но хотя летом было жарко, а зимой холодно – всё-таки своё помещение для инженеров.

Дальше интереснее – я привёл двух программистов из ВИРГа. Машинное время взяло в аренду Геологоуправление – и среди программистов были тоже ВИРГовцы. Когда летом в зале появился один из основателей «Ху из ху» – наш «скороспелка», я его называл «Анальгин», а вместе с ним полная девушка и мой добрый сослуживец по ВИРГУ – Рувим Шимонович Хайме, то я решил, что это неспроста – выходит, не я вернулся в ВИРГ, а он пришёл ко мне!

Рувим ещё в ВИРГе мне сразу понравился за то, что он гордился тем, что он еврей. Он понял моё состояние зажатого новичка и взял меня под свою опеку. Я бывал у него в доме, держал на руках его дочь Регину, а потом и сына Сёмку.

Встреча с ним была радостной, а с Анальгином – сдержанной. Он был

начальником отдела в Монтажспецстрое, с руководством которого я и заключил договор об аренде машинного времени.

Рувим сел за пульт – работать, а его начальника я пригласил к себе на беседу. Было видно, что его коробит вид этого убогого зала и моего столь же убогого кабинета. Я высказал ему всё, что я думаю о созданной им шовинистической организации «Ху из ху», и что, «благодаря» ему, я сижу вот в этом холодном зале, на мизерную академическую зарплату. Он стал оправдываться, что он здесь ни при чём, и что слухи об их всемогущей организации сильно преувеличены, и лично он не принимал никакого участия в моей судьбе! А здесь он не по своей воле: «Меня прислало начальство, хотя я лично возражал и против тебя, и твоего ВЦ, но вот это убожество чем-то начальству понравилось».

К этому времени Рувим закончил свою работу, и он с программисткой поднялись в мой «кабинет». Широкое скуластое лицо Рувима со светлыми глазами сияло от радости:

– Ну, наконец-то моя программа прошла без зависаний, вот Валентина может это подтвердить! А то Вы обвиняли меня в том, что я где-то напортачил. И я рад, что у тебя, мой старый добрый друг, машина на лучшем счету в городе! Уж поверь мне, профессионалу, твоя машина – это просто чудо, цимес! Мы полгорода объехали, были в очень крутых ВЦ с паркетными полами, а результат я получил только здесь, и я рад, что ты вырос в хорошего электронщика, и в отличие от некоторых алалашников – твоя работа говорит сама за себя! Теперь я могу с чистой совестью сдать свою программу, потому что она – действующая!

– Это что, Рувим? Тебя выживают с работы? Да знал бы я про это, ни за что не стал бы заключать договор с ними!

– Ну ты полегче! Тут находится Валентина С., ты знаешь, кто её отец? Он может мигом прикрыть твою шарашку! Так что сиди и не выпендривайся. Спрятался здесь на краю города в бетонной норе и думаешь, что мы тебя не достанем?

Девушка вмешалась: Ну причём здесь мой отец?! Программа Рувима Шимоновича действительно заработала здесь, а почему она не проходила в других местах, я не знаю. А то, что у вас какие-то недомолвки с Хайме, то это не здесь нужно демонстрировать, а решать в рабочем порядке в своём заведении. А я доложу руководству, что никаких претензий к Рувиму Шимоновичу нет, эта ЭВМ работает по факту! А вы подписали договор, там стоят подписи наших директоров, так что будьте добры выполнять свои обязанности начальника ЭВМ!

– Хорошо! Я учту Ваше мнение, и пока мой добрый друг Рувим бен-Шимон работает у Вас, то и моё отношение к Вашей организации будет таким же добрым! С кем мне работать – решаю я, а мой директор во всём меня поддерживает, так что будем сотрудничать.

Услышав, что я, как и раньше, назвал его бен-Шимоном, Рувим разулыбался. Его начальники уехали, а мы с ним ещё поговорили, хорошо попили чайку и кое-что ещё...

Я в то время верил только в научный анализ и только позже понял, что время идёт по спирали, а моя спираль скручена очень туго, и начались повторы. Получив Просветление, я уже сознательно управлял спиралью времени. А пока что я ещё учился постигать законы Мироздания, руководствуясь нравственными ценностями своего народа.

По просьбе Рувима, я выделил ему самое удобное время – после обеда, ближе к концу рабочего дня, чтобы он, закончив отладку программы, мог уйти сразу домой, не возвращаясь на работу. В общем я видел его каждый день, и моя скучная, однообразная жизнь стала веселее.

Наступила весна 1973 года. Я зашёл в Академию Наук в Институт горного дела, где аспирантом был мой институтский товарищ Н.И.Ч. Мы дружили. После того, как он женился, я понял, что ему нужно больше уделять времени семье, решил помочь ему с написанием диссертации. Диссертация была почти готова, нужно было лишь математическое подтверждение – то есть формулы нужно было перевести на машинный язык и просчитать на ЭВМ. Я взялся за эту работу, и через четыре месяца программа была готова. Тема диссертации была посвящена шахтной вентиляции в аварийных условиях после взрыва рудничного газа. Программа моделировала этот взрыв и вычисляла наименее загазованные ветви шахты, по которым вычерчивались светящиеся стрелки, указывающие горнякам путь выхода на шахтный лифт.

После напряжённой работы я запустил программу – она заработала, но при переходе на просчёт второй ветки – зависла! Несколько прогонов кончились зависанием на второй ветке, а в шахте сотни ветвей! Я стал анализировать ситуацию – ЭВМ работает, программа тоже, значит снова человеческий фактор. Я был так вымотан, что решил не пороть горячку, и просто передохнуть. Кстати, общий друг Саша П. пригласил в пятницу на день рождения, который затянулся допоздна, и мы с Н.И.Ч. остались ночевать.

Рано утром меня разбудил шум. Дворник подметал тротуар прямо под окном первого этажа, где мы спали. Сначала я открыл окно и хотел его обругать, но звук метлы – шыр, шыр, шыр – вызвал в моей голове, постоянно думающей о проблеме, какие-то странные ассоциации... Я вспомнил, что при формировании плавающих массивов информации, я разделил их чистым нулём. Поэтому, после первого прогона нужно было очистить свободное поле для массивов информации и записать туда «чистые» нули. А так, программа, во второй раз натыкалась на «забитые» поля и зависала. Это меня так потрясло, что я закричал:

– Дворник, дворник! Нужно просто очистить рабочее поле!

Первым на этот крик отреагировал дворник:

– А я что?! Я делаю свою работу, и не надо на меня кричать!

– Нет, нет, уважаемый! Вы не могли бы зайти сюда, выпить и закусить со мной, а то хочется опохмелиться, но один я не могу. Пожалуйста, проходите!

Я налил дворнику полный стакан водки, соорудил бутерброд с колбасой и солёными огурцами, и подал ему. Он медленно выпил стакан, закусил,

сказал: «Благодарствуйте!» – и ушёл по своим делам.

Тут прибежала хозяйка и всполошилась – что за крик?

– Я понял, почему программа зависает! Давай быстрее ставь чай, нам надо на ВЦ – будем считать!

В автобусе я быстренько написал коротенькую программку «дворник». Она заработала. Н.И.Ч., счастливый, сел за пульт следить за программой, а я ушёл в свой кабинет и проспал целые сутки до воскресенья. Проснувшись, я спустился в зал: «Ну как дела?»

– Просчитана треть ветвей шахты! К понедельнику будет просчитана ещё одна треть, и если ты дашь ещё и ночную смену, то первая из десяти шахт будет просчитана.

Через неделю мы вышли на обсчёт второй шахты с 15-00 пятницы до 9-00 понедельника. Второй заход был уже не так лёгок. Я мучительно страдал от однообразного времяпровождения, и к утру понедельника я созрел для принятия решения по изменению программы. Время поджимало. Летом большинство пользователей уехали в отпуск, и скоро они должны массово возвращаться и выходить на работу. Тогда будет очень туго со временем, на первый раз нужно просчитать десять шахт, а потом будет второй этап накопления информации для завершения диссертации.

Программа, я её назвал «ГНОМ», состояла из двух частей. Первая давно обсчитывала шахтную вентиляцию по всему Союзу. Алгоритм программы на основе математической теории графов разработал учёный Рязанцев Геннадий Константинович, а реализовал сильный программист Цхай. При разработке он использовал модель шахты из 12-ти ветвей, и при прогоне программы строилось «дерево», и модель считывалась за полминуты. Но при применении в настоящей шахте с сотнями ветвей, время увеличивалось до 65-70 часов машинного времени. Я составил блок-схему этой базовой программы и нашёл способ её ускорить за счёт изменения потоков информации.

С новой программой я остался с 15-00 на вторую смену и начал считать третью шахту. Результат меня ошеломил – вместе с добавкой программа выдала заключительный результат через 57 минут! Я начал считать остальные шахты, и к концу второй смены вся информация уже была обсчитана.

Когда Н.И.Ч. позвонил: «Как насчёт следующего просчёта на выходные?» Я ответил: – Приходи и забирай весь материал, все шахты просчитаны!

Когда он приехал, его удивлению и благодарности не было конца, но я, остановив поток его красноречия, сказал:

– Мы же друзья. Скорее защищайся и бросай эту работу. Ты должен стать производителем, получать хорошую зарплату и сам обеспечивать свою семью.

Прошла неделя, и Н.И.Ч. привёл в зал молодую женщину, дочь нашего подполковника с военной кафедры. Она пришла получить нашу скоростную программу для ВЦ шахтоуправления г. Караганды. Обсчитав контрольный объект, она была поражена: – Это что, конец нашим бдениям на два дня и три

ночи? Как вы достигли этого потрясающего результата?

– Да виной этому наш «национальный недостаток» – лень матушка! После двух дежурств по 65 часов, я как говорится, «созрел» и от большой тоски придумал, как ускорить программу – вот результат.

– А в чём секрет, столь быстрого счёта?

Я начал показывать на блок-схеме, как строится «дерево» шахты, как просчитывается ветка, но она прервала меня:

– Постойте! Чего ради я сушу свои мозги? Мужчина решил проблему, результат налицо! Моё дело теперь за час получить результат и пойти домой к семье. Спасибо вам за это! А скажите – почему Вы так легко отдаёте эту уникальную разработку?

– Я имел право на авторское свидетельство. Но это даже при активном прессинге со стороны Управления военизированных горно-спасательных частей, дело затянулось бы не меньше чем на пару лет. Такова наша бюрократия – БРИЗ должен провести экспертизу, получить несколько независимых заключений, потом оформить авторство – в общем я посчитал, что это не для меня, и выбрал вариант депонирования моей разработки во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ. №4493 (75) опубликована в РЖ «Горное дело», 1974, 12, реф. 12 В67). Если моя разработка спасёт хотя бы жизни нескольких горняков – я буду считать, что оправдал свой диплом!

– Тогда я с вашего разрешения передам эту программу в Кемерово и далее до Дальнего Востока на горно-рудные разработки. А от меня и от всех программисток я выражаю свою благодарность! Вы помогли нам сохранить наши семьи от скандалов из-за постоянных дежурств на ЭВМ по выходным дням.

Прошло несколько дней, и Н.И.Ч. привёл в зал высокого худощавого человека. Он представился работником Харьковского института горного дела и попросил продемонстрировать уникальную программу. Результат его потряс:

– Я полагал, что это какая-то хитрая махинация в азиатском исполнении, но контрольный пример прошёл за 57 минут вместо 65-70 часов, и я Вас поздравляю с этим достижением. Могу ли я получить копию Вашей программы?

– Конечно! Мы уже передали программу в Караганду и Кузнецкий бассейн, и они всю уже считают!

– Да, теперь я вижу, что Вы очень отличный специалист, но совсем не деловой человек. За такую разработку, экономящую Союзу миллионы, нужно брать очень хорошие деньги, потому что высококвалифицированный труд должен быть хорошо оплачен! Да, мир несовершенен – у деловых людей не хватает высокого ума, а у высоколобых интеллектуалов отсутствует деловая хватка, и они задаром отдают свой труд. Желаю Вам успехов в вашем благородном и бескорыстном труде!

Во время наладки этой программы произошёл безобразный случай. Мы с товарищем сидели за пультом и обсуждали ход решения проблемы. В это

время в зал вошёл Рувим Шимонович и программистка Валентина, которой он сдавал свою работу. Их машинное время не настало, Валентина подошла к нам, и поздоровавшись с Н.И.Ч., спросила:

– Что ты тут делаешь в этом сарае?

– Да здесь мой институтский друг пишет программу по моей диссертации.

– Да обманет он тебя! Он же не программист, это ему не по зубам! Ему повезло, случайно досталась хорошо сделанная машина, вот он и корчит из себя электронщика, а вот потягаться с профессионалами ему умишка не хватит!

Самым омерзительным было то, что Н.И.Ч., сделав вид, что ничего не услышал, умильно улыбаясь, продолжил разговор... И раньше, при общении, он избегал конфликтных ситуаций, а меня считал чем-то вроде Пятницы при Робинзоне... Вспылив, я хотел вышвырнуть эту хамку из ВЦ, но поймав взгляд Рувима – «она тебя провоцирует!» – сдержался, вспомнив правило – делом доказывай свою правоту!

Меня поразило, что мой институтский товарищ даже не среагировал на это хамскую тираду – либо он просто делал вид, что ничего не слышал, либо он разделял её позицию, но умело скрывал это... У него был верноподданический совковый менталитет, он трепетал перед начальством, всегда при общении избегал конфликтных ситуаций, и позицию дочери большого начальника молча поддержал... Я порой чувствовал, что меня он считает чем-то вроде Пятницы при Робинзоне...

Этот момент послужил к дальнейшему разрыву дружбы с Н.И.Ч.

Я подождал, пока Рувим сдаст свои дела и уволится, а в конце года, не стал продлевать договор с организацией, технично выставив их из своего ВЦ. Что с ними стало, я не интересовался, но через некоторое время снова пришёл Рувим, но уже в качестве начальника отдела программирования нового отраслевого ВЦ. Я заключил договор с его организацией, бросив вызов всемогущему «Ху из ху». В общем сделал свой выбор, с кем мне дружить.

Больше я о своей программе ничего не слышал, как и о своём магнитном вводе – они разлетелись по Союзу без имени автора, но позже, вступив на духовный путь, я ощутил, как мне помогла душевная благодарность людей за мой труд.

Оказывается, ничто в этом мире не пропадает бесследно, только у одних добрых дел результат приходит через много лет, а у других – почти сразу. Всё зависит от уровня духовного развития – у одних спираль кармы ещё раскручивается, а у других туго свёрнута, и от причин до последствий проходит малый промежуток времени. После этого я ещё написал программы на две докторские диссертации, по механике и электротехнике, и с десятков – на кандидатские, в том числе и нашим политеховцам. На банкет после защиты диссертации пригласила только аспирантка из Политеха, но в этот день я так заболел, что пришлось вызывать «Скорую помощь». Так что, я не смог получить даже такую благодарность за свою помощь диссертанту.

Дальше пошла моя духовная эволюция, о которой я подробно изложил в своей книге «Ак Сарбаз».

В конце 1979 года я получил долгожданную ЭВМ третьего поколения «ЕС 1022» и смонтировал её в нашем новом здании. Но комплекс мне очень не понравился: во-первых, он был тоже «цельностянутый» с американской IBM, но при этом позабыли стянуть ещё и диагностику, поэтому самостоятельный ремонт был практически невозможен. Мы вынуждены были встать на обслуживание специализированной организации РЦО (региональный центр обслуживания) при Радиопроме.

Как уважающий себя инженер, понимал, что впереди меня ждёт скука и деградация. Но снова вмешался счастливый случай. От институтского товарища я узнал, что есть организация, ведущая монтаж, наладку и сервисное обслуживание ЭВМ уже четвёртого поколения, с элементной базой ещё более высокой степени интеграции. Товарищ дал мне телефон организации и после встречи с руководителем Новосибирского филиала «Союзэлектронмаш», я подал заявление об увольнении. Переход начальника ЭВМ «ЕС-1022» и «Минск-22М» на понижение и в должности, и в зарплате вызвал недоумение у моих родственников и друзей. Но я объяснил, что ухожу на новую технику, на новую интересную работу.

IV. Союзэлектронмаш (15.10.1980 – 24.03.1992 г.)

В филиал Электронмаша я был принят на должность старшего инженера по обслуживанию ЭВМ. Оказалось, что в этой организации я буду первым инженером с дипломом и солидным стажем работы. Так как за меня поручился мой институтский товарищ Евгений Валентинович Лобанов, ведущий электронщик в Институте ядерной физики, то вопросов ко мне не было. Я просил должность простого инженера, но меня приняли на самую высшую должность в нашей организации. Полученное мной удостоверение № 8 отражает, сколько работников было вначале. Отдел работал по хозрасчётной программе, от выработки. Из заработанных денег выплачивалась прогрессивка, а для приёма новых сотрудников нужно было брать на обслуживание новые объекты.

Свою работу я начал с участия в наладке двух 2-х ядерных комплексов, аналогов американской «Хьюлетт-Паккард» (Hewlett-Packard) в Вычислительном центре автоуправления. Конечно, поначалу были трудности – новая элементная база, новая архитектура ЭВМ, но с этим я справился с удовольствием, однако снова возникли проблемы с кадрами. Нужно было срочно готовить радиотехников, электромехаников. Центр требовал увеличения объёмов и численности работников, иначе наше отделение могли расформировать. Поэтому руководство возложило на меня обязанность учить молодёжь своей профессии, с тем, чтобы мог оправдать свою очень высокую, по сравнению с другими работниками, зарплату.

К этому времени я разработал свою систему обучения новичков.

Специалистов катастрофически не хватало, чуть подучившись, молодые уходили на более спокойную и лучше оплачиваемую работу, на стационар в вычислительные центры. Оставались только порядочные ребята, из которых и вышли наши лучшие инженеры. Всех удивило, что я охотно брал на работу отслуживших военную службу. В этих ребятах я ценил то, что они привыкли к дисциплине, беспрекословному уважению и подчинению мастеру. Им было интересно видеть, как я, построив на схеме две шеренги солдат, показывал, как происходит сложение двух чисел в сумматоре. Я внушал ученикам, что ничего сложного в этой профессии нет, нужно только быть усердным и терпеливым. Через некоторое время ученики уже самостоятельно выполняли профилактику и несложный ремонт внешних устройств. Когда я покидал свою высокооплачиваемую и высокоуважаемую должность, «хуизхушники», затаив дыхание, со злорадством ждали – когда же я наконец-то «облажаюсь», и их теория расового превосходства «белого» человека над туземцем будет подтверждена на факте. Я каждый день был обязан подтверждать свою квалификацию, не давая им повода любой промах с моей стороны превратить в свой праздник.

В начале 1981 года пришли машины класса ДЭК (Digital Equipment Corporation (DEC)). Я взял их в обслуживание, а на своём месте оставил своего ученика А. Казанкина, выделив его с товарищами в отдельную бригаду. Новые машины были очень строги в обслуживании, мне пришлось набирать новых ребят и «с чистого листа» обучать их.

Когда в Геологоуправление пришли огромные машины типа «ПС-2000», также аналоги «Хьюлетт-Паккард», я оторвал от себя В. Люпина и двух радиотехников, бросив их на эти комплексы. Через пару месяцев эта группа тоже выросла в отдельную бригаду. Дальше пришли микрокомплексы «СМ-1800», и для них пришлось выделить ещё группу. В конечном итоге, из моей бригады № 2 вышли ещё шесть отдельных бригад. Результат моей работы был налицо – организация приобрела непререкаемый авторитет в директорском корпусе города, и все аферисты, подвизавшиеся на этом поприще, просто исчезли в никуда.

Не дождавшись моего краха, на меня вышли спецы из городских ВЦ и стали укорять, что я профессию «избранных» превратил в рядовую, обучая тайнам ремесла всех подряд:

– Наша профессия должна быть элитной, закрытой, доступной только посвящённым, потому что это обеспечивает элите процветание! А вы мечете бисер перед свиньями!

– Я это делаю для того, чтобы ЭВМ были в каждом учреждении – как и принято на Западе. А для этого нужен большой состав обслуживающего персонала среднего и младшего звена. Элиту вырастить в массовом количестве невозможно, но мастера должны не только делиться знаниями и тайнами ремесла, а, как я, навязывать эти знания. А самое главное, я уничтожу вашу организацию «Who is who»! На моих машинах четвёртого поколения не нужно держать инженеров-пожарников, их заменили мои ученики из нашего «ЭВМ-Сервиса». Ваша же организация рождена

приспособленцами от вычислительной техники, а приспособленцы породили в свою очередь просто аферистов, а те – просто серую массу говорунов. Вы хотели утопить меня, а утонете сами в собственной луже!

Чтобы наша организация развивалась быстрее, мы решили расширить её за счёт промышленных, градообразующих отраслей. На совете было принято решение начать с Зыряновского горно-обогатительного комбината. Там нас принял главный инженер Юрий Валерьянович Реуцкий. Он создал этот комбинат, сам разработал математическую модель обогащения руды, за что был награждён Государственной премией.

Он быстро вник в проблему. Его особенно привлекла возможность высвободить рабочие единицы, передав нам часть своих сотрудников, а на освободившиеся места принять способных электронщиков, оканчивающих ВУЗы и демобилизовавшихся из армии.

Он выделил нам десять специалистов. Они остались на своих местах, только зарплату получали у нас. К этим специалистам, начиная с 1982 года, он дал на полтора миллиона объёмов на сервисное обслуживание всех управляющих ЭВМ комбината. Таким образом, он спас наш филиал от расформирования. Поэтому через шесть лет, в 1988 году Ю.В. Реуцкий выиграл конкурс на должность директора нашего, уже регионального, производственного объединения КазПОВТИ.

Восторжествовала справедливость и тот, кто спас организацию, сам же её и возглавил. Борьба за престижнейшее место директора была очень жёсткой, порой даже очень грязной, с провокациями со стороны местной номенклатуры. Но Реуцкий выиграл выборы с преимуществом в один голос, но два голоса принёс ему я. Сначала я убедил хозяйственный блок, рассказав им о том, какой это прекрасный человек, а потом пошёл на завод по ремонту клавишных машин. Там работали в основном аккуратные немцы, большей частью баптисты. Я заговорил с ними о Боге, о Евангелии, ответил на все очень каверзные вопросы и вошёл к ним в полное доверие – они так же отдали свой голос моему выдвигенцу...

Настала весна 1982 года, и меня снова оторвал от работы мой начальник участка, показав телефонограмму, с требованием к концу полугодия по плану вырасти ещё на одну треть от имеющегося состава, а это минимум 15 человек персонала нижнего и среднего звена. Он уже привык к тому, что я как основатель и идеолог фирмы всегда нахожу неожиданный выход из трудной ситуации. Он не ошибся и на этот раз. На его глазах, я достал записную книжку и позвонил своему хорошему знакомому Кенжебеку С., замдиректора по науке нашего Кинотехникума. Поздоровавшись, я сказал ему: «Я сейчас работаю в Союзэлектронмаше. Как у тебя с первым выпуском радиотехников и электромехаников по обслуживанию ЭВМ?»

– Возникли большие трудности при их распределении на работу. Часть предприятий отказались от наших выпускников, и я теперь не знаю, что с ними делать!

– Я могу помочь тебе! Нам нужно около 15 ребят на разъездные работы. Если они согласятся, то считай, что ты их трудоустроил!

– Не знаю, как мне тебя благодарить, мой старый добрый друг. Когда мы увидимся и обсудим эту проблему?

– Жди нас к девяти часам утра и подбери нам ребят потолковее!

Когда мы с начальником приехали в кинотехникум, весь выпуск был построен на линейку. Кенжебек сказал пламенную речь и объявил, что приехали «наши благодетели», желающих принимают на работу в Электронмаш. Выразили горячее согласие все нераспределённые выпускники. Их оказалось 16 ребят, но остались три девочки, непригодные для разъездной работы. Когда ребята стали садиться в автобус, чтобы проехать в офис для оформления на работу, девочки зарыдали: «А мы что, не люди? Почему нам нет места вместе с нашими ребятами? Что за несправедливость!»

Меня настолько тронул их поникший вид, что я обратился к начальнику: «Я думаю, что пришла пора создать нам ремонтно-монтажную группу (РМГ) и выделить ей комнату в офисе. А ты закажи в Новосибирск стенды для ремонта плат ЭВМ, и пусть они вышлют их прямо сейчас. Тогда мы сможем забрать и этих девчонок!»

– Конечно я согласен! Так мы перевыполним положенную численность, да и ребятам будет легче с ремонтом плат!

Мы сказали Кенжебеку, что можем взять этих девочек в РМГ, только на оплату поменьше, чем у ребят, и если они согласны, то пусть садятся в автобус!

Услышав эту радостную весть все трое, как на крыльях, влетели в автобус и поехали в новую, увлекательную жизнь – все вместе, одним коллективом. Когда все формальности с новобранцами были улажены, начальник строго спросил меня:

– Что же ты всё время молчал об этом неисчерпаемом резерве? Что тебе стоило сказать раньше – ведь тогда я избежал бы большой нервотрёпки!

– Ты, наверное, не обратил внимание на то, что я сказал – первый выпуск! Я несколько лет имел их ввиду, и когда возникла необходимость, вспомнил об этом!

– Ну извини, я на радостях просто не обратил внимания на это! Спасибо тебе, в который раз спасаешь меня. Я твой вечный должник, и если я когда-то забуду об этом – напомни!

После того, как начальник участка стал при моём активном содействии главным инженером в ПОВТИ, созданном на базе нашей организации, он, как и положено коммунисту, полностью забыл о своих клятвах. Он стал впоследствии моим злейшим врагом, потому что я видел его слабым, испуганным и, самое главное – некомпетентным в отрасли, которую он случайно возглавил, только потому, что у него, хозяйственника, оказался партбилет.

А пока что наша организация стала бурно развиваться. В городе прослышали о людях с прекрасной, престижной профессией. Там не пьют, не курят, а молодёжь любят и учат быть не только высококвалифицированными специалистами, но и порядочными людьми. Мамаши сами за руку

приводили ребят, забитых и морально уничтоженных начальниками из «Ху из ху». Из этих забитых ребят вышли выдающиеся специалисты.

На наших праздниках, по моей инициативе, был положен раз и навсегда запрет на алкоголь. Ребята веселились от общения друг с другом, появились таланты – поэты, рассказчики, художники, музыканты и танцоры.

С 1982 года город получил десятки машин с наших заводов в Киеве и Северодонецке, но они каким-то образом выпали из нашей законной сферы влияния. Руководители предприятий отказывались от наших услуг, ссылаясь на то, что они заключили трудовой договор с более компетентными лицами. Примерно, через полгода, они стали приходить к нам со слёзной мольбой – спасти их от краха. Оказывается, по городу орудует банда мошенников из какой-то пуско-наладочной фирмы. Они предлагают доверчивым директорам «белую наладку» ЭВМ в противовес «чуркам» из СВТ «Сервис». «Чурками» они называли моего начальника и меня, поэтому руководители организаций охотно попадались на эту «удочку».

Расчёт аферистов был прост – если ЭВМ исправная, и они её сразу запускают, то они получают деньги и с почётом уходят. Если же ЭВМ не запускается сходу, то они всё равно получают часть денег и исчезают. Мне удалось узнать имена этих мошенников – это братья-близнецы Моинберги. У них была бледно-матовая кожа, как будто они только что вышли из многолетнего пребывания в склепе. Самое главное, их невозможно было привлечь к ответственности.

Директора нарушали закон, принимая на временную работу непроверенных людей, и чтобы не нести ответственность за это, спускали всё на тормозах, не предавая дело огласке. Если бы я хоть раз просто не включил бы хотя-бы одно устройство в ЭВМ, то «хуизхушники» устроили бы демонстрацию по городу с сожжением моего чучела. Эти же мерзавцы спокойно жили, ходили по городу, не боясь встреч со своими жертвами. Единственная польза от них была в том, что они сделали очень хорошую рекламу моей бригаде № 8, потому что я ходил следом за ними и восстанавливал покалеченные ими комплексы.

Когда же мы ввели в строй два «дохлых» комплекса в Институте физики высоких энергий, то наши акции взлетели до небес. Эти комплексы простояли два года, и никто не смог оживить их.

Два таких же покалеченных комплекса принадлежали Испытательной станции дорожных машин, что на Северном кольце, ул. Розовая, директор Иоктон. Союзный Госплан поручил казахстанскому институту провести полевые испытания дорожных машин зарубежных фирм с целью приобретения их за валюту, для строительства стратегических дорог. Конечно, руководство было очень озабочено не уронить честь своего предприятия и решило сделать надлежащий запуск полученных с Киевского завода комплексов – аналогов фирмы «DEC». Фирмы поставщики требовали, чтобы результаты испытаний представлялись им в интерфейсе, совместимом с их ЭВМ. Тут и подвернулись эти двое негодяев со своими услугами. Они целый месяц морочили мозги, а потом объявили, что неисправности очень

сложные и вызвали бригаду заводских наладчиков. Те бились над ЭВМ два месяца и опустив головы, уехали, но вызвали ещё двух суперспецов. Те тоже два месяца просидели за пультами и уехали, также опустив головы и прося прощения. Наступил ноябрь месяц, а к концу года результаты испытаний, рассчитанные на ЭВМ должны быть переданы Госплану.

Директор передал мне, что приходил их главный инженер и просил помочь им, иначе его обещали выгнать с «волчьим билетом», потому что он и был инициатором найма «белых» наладчиков. Наш директор показал их письменный отказ от наших услуг, добавив, что он отправил их отказ в Киев. Завод снял их со всех своих гарантий, а помочь им может только руководитель бригады № 8. Но для этого нужно будет изменить мне график работ, утверждённый руководством, и вряд ли я на это пойду из-за «напряжёнки» в конце года.

По понедельникам у нас всегда была планёрка. После её окончания ко мне обратилась наш диспетчер:

– Вы не видели в подъезде под лестницей инженера из Испытательного института? Он там живёт уже несколько дней!

Я с любопытством заглянул в коридор. Действительно, под лестницей расстелен матрац, и на нём сидит молодой парень. Увидев меня, он представился и сообщил, что главный инженер велел ему жить здесь и не возвращаться без наладчиков:

– Я с самого начала настаивал на том, чтобы вызвать Вас, потому что от своих институтских товарищей я знал о высокой квалификации Ваших работников. Но главный инженер заявил, что он не может сорвать госзаказ, и нашёл стоящих людей... Вот теперь, он уже стоит на «вылете» и, вся надежда на Вас!

– Я тебе ничем помочь не могу! В этот четверг у меня монтаж комплекса в Институте ядерной физики, а во вторник и среду – плановые профилактики. А теперь скажи, где ты ночуешь, ведь на ночь подъезд запирают на ключ?

– А у меня есть гостиница на колёсах. Пойдёмте, я покажу её.

Он привёл меня за сараи во дворе. Там стоял фургон, выкрашенный в защитный цвет. Он открыл дверцу, выдвинул лестницу и пригласил меня войти внутрь. Я бывал в таких фургонах – слева кухня с газовой плитой и мойкой, справа печь-буржуйка с баком и душем. Дальше – комната со столом и четыре спальных места.

– Давайте, я поставлю Вам чай!

– Да нет, спасибо, мне нужно идти. Считай, что тебе повезло! Ваш автобус ходит по Комсомольской?

– Да! Утром он забирает людей из микрорайонов и по Кудерина спускается вниз на Северное кольцо.

– У меня есть два свободных дня. Завтра в 8.30 я буду с ребятами на Руднева, пусть меня подберут, и я осмотрю ваши комплексы.

Утром к нам подъехала «Волга», водитель спросил: – Вы Едихан? Тогда садитесь, я главный инженер!

В машине мы разговорились: – Вы знаете, что две бригады заводских

наладчиков не смогли запустить ни одного комплекса?

– А они для меня не пример. Заводской наладчик – я, только, командированный по месту жительства, и меня можно всегда найти, и спросить с меня за мою работу. Вас, наверное, обдурили братья Моинберги?

– Да! Именно эти мерзавцы и представили Вас в самом чёрном цвете, и я им поверил!

– Ну, что-ж! Как и ожидалось, приспособленцы из «Ху из ху» породили аферистов! Но наша организация положит конец этому!

За беседой мы не заметили, как подъехали к месту работы. Когда до административного корпуса осталось совсем немного, машина свернула направо, и мы медленно проехали мимо огромных дорогих машин иностранных марок. Только после этого мы подъехали к зданию. Там нас встретил инженер и повёл в зал ЭВМ.

Осмотр и начальная диагностика показали, что оба комплекса «ДЭС» нерабочие. Я продолжил диагностику, но тут пришёл главный инженер:

– Я по просьбе нашего директора: скажите, когда будет введён хотя бы один комплекс – через месяц, полтора? Время поджимает, к концу года мы должны отправить в Госплан результаты полевых испытаний. Если что-то необходимо, скажите, мы всё сделаем!

Мой ответ поверг главного инженера в шок! Я достал свой блокнот:

– Вот, смотрите! Через два дня я должен быть в ИЯФе на наладке комплекса, эта работа находится под контролем диспетчера Киевского завода ВУМ! У меня только два дня на Ваши проблемы! А если я буду сидеть по месяцу на каждом комплексе, то меня выгонят вон, за профессиональное несоответствие, и правильно сделают! А что касается наладки – то самую большую помощь Вы окажете мне, если не будете отвлекать меня от работы. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы больше никто не мешал мне сосредоточиться. Володя, закрой дверь, чтобы никто даже не мелькал там!

Начальная диагностика убедила меня в том, что не работает плата входного контроля напряжения. Действительно, транзисторы были пробиты! Я невольно вспомнил свой «блок защиты» на Космостанции. В процессоре нет сдвига по четвёртому разряду! Это же повтор моей первой неисправности в 1968 году на ЭВМ «Наири». Только, там не работал триггер, а здесь был пробит мультиплексор!

Я понял, что начала сворачиваться моя групповая карма в виток длиной в 16 лет. Неисправную плату я заменил на другую из второго комплекса и включил ЭВМ. Дисплей выдал информацию, что память ОЗУ работает в неполном режиме...

Но это сообщение вызвало бурную радость Володи:

– Ура! Комплекс заработал! Я же говорил, что это волшебники и суперспецы!

Прибежал главный инженер. Он просто сиял от счастья:

– Ну что! Я вижу – Ваши и наши дела пошли на лад?

– Я же просил не мешать мне работать! Это только начало!

– Хорошо, хорошо! Только я, по распоряжению директора! Он велел на

кухне приготовить праздничный обед, Вы только прервитесь на полчаса раньше, чтобы не нарушать режим.

Через пару часов я починил все платы памяти, и запустил комплекс в тестовый режим. Мы пошли на обед, который оказался действительно праздничным. Я и здесь продолжил воспитательную работу:

– Смотрите – как приветствуют хороших работников. Думаю, что и вы вырастаете до такого уровня, чтобы вас кормили праздничным обедом!

Когда мы вернулись в зал, комплекс уже проработал три тестовых цикла. Снова пришёл главный инженер:

– Вас просит к себе наш директор! Пойдёмте пожалуйста!

В кабинете меня встретил невысокого роста и очень плотного телосложения человек. Он вышел из-за стола и подал мне руку, и представился – Иоктон!

– Ну что-ж! Теперь я вижу правоту пословицы, что по одежке встречают, а по уму провожают! Позволь мне выразить своё восхищение и уважение к тебе. Ты сделал за полдня то, что три бригады не смогли сделать за полгода!

– Ну, аферистов Моинбергов, я брезгую даже назвать инженерами. Мне же удалось из двух комплексов собрать один рабочий – вот и вся моя заслуга!

– Ладно! Не скромничай. Я такой же инженер, только по механике, и знаю, как даётся результат. Ты видел в коридоре людей, стоящих с коробками и папками в руках?

– Да, видел, они аплодировали мне, пока я шёл по коридору!

– Так они выражали свою радость, кончилось тяжкое ожидание. Все они высококвалифицированные работники, и очень хотят видеть результаты своего труда! Я обращаюсь на ты, потому что мне больше нечем выразить своё уважение к столь впечатляющему профессиональному уровню. Я наслышан по нашему «директорскому радио» и рад, что слухи о тебе были не напрасны. Есть ли какие требования к залу, заземлению, питанию комплексов?

– Нет! Зал – один из лучших в городе. Заземление на клумбе. Разводка питания в норме. Всё в порядке – можно принимать комплекс после капремонта на сервисное обслуживание.

– Это всё – заслуга нашего молодого инженера. Кстати, как ты его оцениваешь?

– Очень хороший мальчик. Особенно живописно выглядел у нас под лестницей, на матрасе. По его лицу я понял, что он здесь и зимовать будет – очень уж настырный. В какой-то момент, я узнал в нём себя самого в молодости!

– Я хочу вернуться к людям в коридоре. Мне рассказали, что у одной женщины случился лёгкий обморок. Они боятся, что машина остановится и, они снова будут сидеть и ждать. Между ними начались конфликты за время на машине. Если можно – дай им поработать, ведь комплекс работает уже четвёртый тестовый цикл!

– Согласен! Раз Вы забираете машину, то отвезите нас по домам! Я выжат

как лимон... Нужно остановиться и отдохнуть. А завтра я продолжу работу уже на втором комплексе. Но тут придётся попотеть не меньше месяца.

Водитель микроавтобуса развёз нас по домам – до подъезда, как велел ему главный инженер. Так закончился один из многих капитальных ремонтов ЭВМ, на которых успели поорудовать аферисты из пресловутого «Who is who».

Положительный эффект от нашей работы мы почувствовали через несколько дней. Видно, авторитет Иоктона был настолько велик, что у нас образовалась очередь из желающих стать на сервисное обслуживание. Первым пришёл заведующий нашей кафедрой из Политеха. Увидев меня закричал:

– Какое счастье, что везде сидят наши выпускники! Ты возьми нас на обслуживание. У нас сейчас учатся студенты с Кубы, и у них курсовая на ЭВМ, а машины все разом вышли из строя. Это удар уже по престижу не только нашей «альма матер», но и всего Казахстана! Так что, будь добр – помоги своей кафедре не опозориться перед иностранцами. Я тут привёл нашего работника, начальника группы технического обслуживания ЭВМ. Расскажи ей, как нужно оформить договор и поскорее выезжай на ремонт, иначе полетит моя голова!

Я обратил внимание на женщину, стоявшую рядом с ним. Она подслеповато щурилась сквозь очень толстые очки.

– Галия! Это ты! Как ты здесь оказалась, а что с твоими прекрасными глазами?

– Ой, знаешь, мой институтский друг, после того, как ты отказался работать у нас в Автотрансе, пришёл новый начальник и всех разогнал, а меня оставили. Потом, в 1975 году пришли новые большие ЭВМ типа ЕС и я, чтобы меня не уволили, день и ночь сидела над схемами. Вот и посадила глаза, а потом я поняла, что это не мои машины, и ушла в Политех. И теперь снова прошу – помоги мне! Машины четвёртого поколения оказались ещё труднее для меня, а ты смог их нормально освоить и руководишь бригадой по их обслуживанию.

Я формально мог отказаться от их обслуживания, ввод делали не мы, но я понимал, что моя групповая карма сворачивается дальше, и я снова должен вернуться в свой институт, но уже в другом качестве. Я сам отнёс их бумаги в канцелярию, попросив сегодня же их оформить, и подать их на подпись к директору.

Через день я уже с помощником был в родном институте и, прямо нос к носу столкнулся со своим однокурсником, преподававшим здесь же, на нашей кафедре. Я бросился к нему с объятиями: – Ой, привет Жолдыбай! – но он холодно отодвинул меня:

– Едихан, ты как был аульным, так им и остался. Ты хоть знаешь, с кем ты разговариваешь? Ну что у тебя за вид, а что у тебя в этой позорной сумке? Ты что, стал сантехником?

Я удивился:

– Ну, Жолдеке, если бы я встретил тебя в робе сантехника, то не стал бы

воротить нос от тебя. Вид у меня согласно моему уставу – никакой одежды из шерсти с синтетикой, чтобы не накапливался электростатический заряд, а сумка фирменная, для приборов и инструмента!

В это время открылась дверь и вышел завкафедрой и теперь пришлось удивляться сокурснику:

– Привет, я жду тебя, пошли к проректору утрясти кое-какие вопросы по капремонту нашей техники. И, обращаясь к Жолдыбаю:

– А ты что торчишь здесь, прохлаждаешься?! Иди и проследи, чтобы в зале было убрано и предупреди Галию Х., что наладчики уже здесь!

Оглянувшись, я увидел на надменном лице бывшего сокурсника ужасную смесь из презрения ко мне и раболепия перед начальником. Он не мог принять случившееся, его голова лихорадочно приспособлялась к непредвиденной ситуации. Далее события развивались как в какой-то сложной драме. Из той же двери вышли мои сокурсники Бакберген Ж. и Галя Р., но они уже были в курсе, что я пришёл спасти их от больших неприятностей:

– Какое счастье, что мы видим тебя! Впереди у нас практические занятия с кубинцами, а наши комплексы, как назло, отказали почти в один день! Пошли к нам, попьём чаю, поговорим. Ведь мы не виделись со дня празднования десятилетия окончания института!

– Сейчас! Я только схожу к проректору и утрясу проблемы, а потом я найду время и для вас.

По дороге в приёмную, завкафедрой сказал, что к ним приходили два человека и предлагали свои услуги.

– Уж не братья ли Моинберги? Что же ты не выкинул их из кабинета?

– Да, это были они! Я уже был наслышан о них, но за ними стоят очень большие люди. Я смог избавиться от них, сославшись на то, что на комплексах будут обучаться кубинцы, а это уже находится под надзором Комитета государственной безопасности! Они тут же потеряли всякий к нам интерес.

Когда к обеду я ввёл в строй Первый комплекс, ко мне подошли двое кубинцев, судя по виду, муж и жена. Женщина стала что-то очень быстро говорить, часто повторяя слово «компаньерос». Кто-то перевёл мне, что им нужно срочно вылетать домой в Гавану. Они досрочно сдали экзамены, и осталась только практика на ЭВМ, и они просят у меня два часа моего времени, выделенного на прогон тестов.

Конечно, я оказал уважение Гостям и пожертвовал своим временем. По дороге помощник спросил меня: «Почему так странно вёл себя Ваш однокурсник? Сначала он вытирал об Вас ноги, а потом готов был лизать Вам руки!»

– Он выходец из небольших начальничков, поэтому у него развит инстинкт преклонения перед начальством, а отсюда и презрение к соплеменникам – жителям аулов и посёлков. А я, как раз и есть аульно-поселковый казах, кончал семилетку в сельской школе, десятилетку в поселковой, а когда в 1960 году я поступал в институт, мой Тастак ещё был

посёлком городского типа. Вот у него и осталось ко мне презрительное отношение. А когда он увидел, что я с завкафедрой держусь запросто, захожу спокойно к проректору в кабинет, то его мир рухнул вмиг! Аульный казах стал очень большим начальником!? Пусть попереживает эту моральную катастрофу! Маленьким людишкам время от времени неплохо получать щелчки по носу от жизни.

Как я учил вас – самый лучший сценарист и режиссёр таких поучительных спектаклей – сама жизнь! Представь себе, что ход времени изменился бы – сначала вышел бы завкафедрой, а потом встретился доцентик – то он не стал бы вытирать об меня ноги, а оказал бы самые высокие почести. Но я поступил по-человечески – взял «дохлые» комплексы в обслуживание, хотя мог и повыпендриваться и заставить его побегать за мной, что обязательно сделал бы человек, стремящийся к власти и чиновничеству. Поэтому, жизнь сделала так, что я, одетый в поношенный хлопчатобумажный пиджак, пошёл в приёмную ректора, а он, в костюме с галстуком, остался прибираться в зале ЭВМ!

Наше предприятие продолжало быстро развиваться, и в ноябре 1984 года, мы выделились в головное региональное предприятие ЭВМ «Сервис». В наш регион входили республики Средней Азии. На должность руководителя предприятия Союзного уровня назначается человек из Москвы. Новый директор оказался грамотным, деловым и порядочным человеком. После общего собрания коллектива, он пригласил меня в свой кабинет:

– Я здесь человек новый, и мне нужна поддержка в лице руководителей производственных звеньев. Я знаю о том, что Вы первый инженер в прямом и переносном смысле. Вы являетесь одним из основателей организации и её главным идеологом, большинство руководителей бригад – Ваши ученики. Что бы Вы мне посоветовали сделать для улучшения работы? Ваш начальник показал мне карту СССР, где на обороте Вы написали: «Вывесить в кабинете руководства нашего независимого предприятия с датой 31.12.1980 года». Он рассказал, как все тогда смеялись над Вашими фантазиями. Но факты – вещь упрямая, всё, о чём Вы «нафантазировали» – сбылось. Я приказал повесить эту историческую карту в зале совещаний, чтобы все помнили о том, что при решении очень сложных проблем во время становления организации, Ваши действия всегда приводили к исчерпывающему результату. Я это знаю, и приглашаю Вас на работу ко мне в администрацию на любую должность! С чего Вы посоветовали бы мне начать?

– Самое главное – не вмешиваться в работу производственных подразделений. Все работники в них задействованы на саморегулирование и выполнение плана, а значит, получение прогрессивки. Так что, их подгонять совсем не нужно! Администрацию Вы подберёте по своему усмотрению, только я прошу назначить главным инженером моего начальника. Так будет справедливо, поскольку сохранятся начальные причинно-следственные связи в коллективе. Я же хочу остаться на своём месте, так как, оторвавшись от ЭВМ, я стану похож на Антея, оторвавшегося от земли. В качестве действующего наладчика, я сохраню и свой дар предвидения хода развития

нашей организации. А значит, буду очень полезен Вам. Но заранее предупреждаю, пользоваться моим даром нужно только в очень сложных ситуациях. И, помните – любая бумага, подписанная мной, будет принята наверху безусловно!

Воспользоваться моими возможностями пришлось очень скоро. Из центра пришло распоряжение, составить список вышедших из строя микросхем – «чипов»: указать устройство и дату, с целью обобщения и дальнейших выводов.

Директор показал бумагу:

– Что будем делать! Нужно выполнять распоряжение центра. Я понимаю, что все бригады сядут на несколько дней писать этот отчёт, есть ли какой-то другой выход?

– Да, есть! Видно сразу, что это распоряжение составил дилетант, человек со стороны. В указанном списке часть «чипов» из машин третьего поколения. Часть из машин наших – четвёртого поколения серии СМ-1,2,3,4. Эти машины уже сняты с производства, и пошли новые модели СМ-1420, ПС-2000 и СМ-1800. В этих моделях применяются микросхемы новых типов. Сейчас запущены первые машины пятого поколения – типа «Микроша», «Агат» и так далее. Какая же может быть статистика на «чипы», давно снятые с производства? Просто, чиновник, демонстрируя активность, на деле занимается пустым бумаготворчеством!

– Тогда, какие будут предложения?

– Нужно ответить так: «Выражаем сомнение в компетентности технолога Г.Р. По пунктам, указанным в его списке, значатся типы микросхем, снятых заводами с конвейера. Просим рассмотреть вопрос о создании комиссии по выяснению соответствия сотрудника занимаемой должности».

Мой ответ, конечно смягчённый и более конкретизированный, при мне же передали по телетайпу. Через некоторое время пришёл ответ: «Кто составил сообщение?»

Директор показал мне это: – Что будем отвечать? Это за подписью главного инженера. А он – очень серьёзный человек!

– Пишите: ответ составил начальник подразделения № 8, фамилия и имя.

– Ну, смотрите! В случае чего я на отчёт в Центр повезу Вас!

Ответ ушёл. На следующий день поступило сообщение с телетайпа: «Распоряжение номер такое-то – отменить!»

Позже мы узнали, что главный инженер устроил разнос бумаготворцу, и его уволили.

Через некоторое время директор показал мне бумагу от такого большого начальника, что он даже встал, подавая мне это распоряжение. Там было приказано, чтобы с мест внесли любые предложения, с целью ликвидировать отставание от Запада в развитии вычислительной техники.

Я начал возражать: «А я здесь при чём? Ведь у Вас имеется целый управленческий аппарат с аналитиками. Пусть они и отписываются!»

– Вот в том-то и дело, что они бесполезны. Наверху, тоже знают об этом. Смотрите – указано, что должны отвечать только производственники «от

станка». Вот Вы у нас и есть идеолог «от станка». Вам и отвечать! Даю два дня на обдумывание. Можете не ходить на работу, но ответ послезавтра!

Я составил ответ и разбил его на два этапа (рукопись с пометками «кэгэбэшника» я сохранил).

I. Централизация системы:

Собрать «боковые побеги – «пасынки» на Радиопроме, Минприборе и др., школы ЦСУ, научные лаборатории в единый центр, способный решить задачу комплексно, и начать с подготовки квалифицированных рабочих кадров и «белых воротничков».

Далее по пунктам.

II. Децентрализация существующей системы:

Далее по пунктам.

Мой проект был отправлен в Центр где-то в конце недели. В понедельник, я как обычно, пришёл в контору на планёрку и меня «отловил» наш куратор из КГБ:

– Ну что, голубчик! Вот, посмотри передовицу «Правды»! Здесь Постановление Политбюро по улучшению развития и применения вычислительной техники. Вот твоя рукопись, на ней я пометил пункты, совпадающие с решением Политбюро! У тебя что, «блат» там какой имеется?

Через год, после моей записки, в апреле 1987 г. был создан Государственный комитет по вычислительной технике и информатике. Наше предприятие было названо КазПОВТИ (Казахское производственное объединение вычислительной техники и информатики), назначен новый директор.

После декабрьских событий 1986 года меня за национализм перевели в инженеры III-категории – ниже нельзя, из-за высшего образования. Основателя фирмы спустили в самый низ – многие мои ученики стали выше меня по должности. Это, как я понял, было приглашением к увольнению, но умные люди подсказали, что я получу «волчий билет» – и нигде не найду работу, даже сторожем. Далее, через 3 месяца я получу уведомление, что привлечён к ответственности за тунеядство, а ещё через 3 месяца, меня постигнет участь советских диссидентов – тюрьма и высылка в Сибирь.

Я ходил на работу до восстания на нашем производстве, когда руководители подразделений, согласно новому закону о трудовых коллективах, свергли очень прогрессивного и энергичного руководителя Рахманова А. После чего, были назначены выборы нового директора. Выставили три кандидатуры, и одной из них был наш благодетель Ю.В. Реуцкий – главный инженер Зыряновского комбината. Он то и стал нашим новым директором – круг замкнулся, спасший организацию от расформирования с начала 1982 г. через шесть лет её и возглавил. Как я писал выше, на выборах два голоса за него организовал я, в знак благодарности за неоценимую помощь. Он, конечно, узнал меня, и позже предложил перейти в филиал, директором малого государственного внедренческого предприятия (МГВП). В этой должности я пробыл до марта 1992 года и уволился из этого предприятия в связи с распадом нашей

организации, последовавшей вслед за распадом СССР.

V. «Фанкор Интернэшнэл»
25.03.1992 – 25.05.2005 г.)

Я знал, что близится крах Империи и, заранее начал готовиться к большим переменам. Мы с друзьями решили что-то производить, и нашли в Москве изобретателя инновационного антикоррозийного покрытия. Я вложил в уставной капитал фирмы все свои накопления.

Наша фирма стала быстро развиваться, нами заинтересовался американский фонд поддержки предпринимательства. С ними мы создали совместное казахстанско-американское предприятие «Фанкор Интернэшнэл», где я доработал до выхода на пенсию.

Закончилась моя групповая карма. Долги своему Политеху я вернул, написав программы аспирантам, и взяв на обслуживание три комплекса родного института. Остался школьный долг и круг одновременно. В 1995 году я принял участие в создании национальной школы «Көкіл», на базе первой казахстанской музыкальной школы № 1 имени певца Амре Кашаубаева. Эта школа обучает детей с привлечением казахской народной музыки, которая формирует не только национальный менталитет, но и способствует умственному развитию детей. Школьники «Көкіл» стали победителями не только музыкальных конкурсов самого высокого уровня, но и победителями конкурсов по математике, физике, химии и биологии.

Я был идеологом школы, используя кармические связи из своих прошлых жизней, помогал школе двенадцать лет. На этом, мой школьный долг был исчерпан, и впереди у меня барханы Тау-Кума и Акдалы – возвращение в страну моего детства.

Моя фамильная карма закончилась в ноябре 2010 года. Мои родственники, получив по долгам из прошлой жизни, разбежались по своим углам.

Осталась моя национальная карма. Любой человек другой национальности, застрял бы в этой карме на много жизней, но мой народ завоевал государственную карму. Республика Казахстан входит в планетную карму и, как народ шестой ступени – казахский народ отныне имеет и Космическую карму.

Поэтому, за заслуги моего народа, я также вошёл в Космическую карму. Мой путь определён, и мне осталось только дожидаться, когда будет выполнено решение Космического Братства от 16 апреля 1987 года по переселению народа шестой ступени на Жер-Уюк.